

Юрий Тимофеев

# НЕ ХОДИ СЛУЖИТЬ В ПЕХОТУ!

КНИГА 3. ЗАВЕЛИ, СЕЛИ, ПОЕХАЛИ. ТАМ РАЗБЕРЕМСЯ

*25-летию начала  
Первой Чеченской войны  
посвящается!*

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+





Не ходи служить в пехоту!

Юрий Тимофеев

**Не ходи служить в пехоту!  
Книга 3. Завели. Сели.  
Поехали. Там разберёмся.  
25-летию начала первой  
Чеченской войны посвящается!**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

## **Тимофеев Ю.**

Не ходи служить в пехоту! Книга 3. Завели. Сели. Поехали. Там разберёмся. 25-летию начала первой Чеченской войны посвящается! / Ю. Тимофеев — «ЛитРес: Самиздат», 2019 — (Не ходи служить в пехоту!)

ISBN 978-5-532-97779-2

Продолжение серии «Не ходи служить в пехоту!» К 25-летию начала первой Чеченской войны. Нынешние власти сделали всё, чтобы замолчать скорбную юбилейную дату начала этой войны. Война повлияла на ход истории, отбросила реформирование Армии, дискредитировала демократические реформы. Это не боевик. Командир мотострелковой роты, ему предстоит сформировать мотострелковую роту и вступить в бои. Как это было? Как воевали. Как наспех собранный личный состав роты превратился в боевой и сплоченный отряд пехоты. Как это вообще происходит в нашей армии? О чем именно тогда думали и как ко всему относились. Книга о Солдатах России беззаветно воевавших за Родину, хотя имевших разное мировоззрение на всё. Книга основана на реальных событиях. Герои книги являются результатом воображения автора, совпадение с реальными людьми могут быть только случайными. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-97779-2

© Тимофеев Ю., 2019  
© ЛитРес: Самиздат, 2019

# **Юрий Тимофеев**

## **Не ходи служить в пехоту! Книга 3. Завели. Сели. Поехали. Там разберёмся. 25-летию начала первой Чеченской войны посвящается!**

### **Предисловие**

Эта третья книга из серии «Не ходи служить в пехоту!». Посвящается 25-летию начала первой Чеченской войны.

Нынешние власти страны сделали все чтобы замолчать скорбную юбилейную дату начала этой войны. Между тем эта война очень сильно повлияла на ход нашей истории. Надолго отбросила планы реформирования Вооруженных Сил Российской Федерации, дискредитировала демократические реформы, начавшиеся в стране. Преступное поведение тогдашних властей России повлекло за собой многочисленные жертвы военных и гражданских лиц. Никто не наказан.

Это не боевик. Перед вами книга про жизнь в те тяжелые годы.

Как жили, служили, любили и ненавидели? Что значит сформировать мотострелковую роту и повести ее в бой? Как это было? О чем мы тогда думали и как рассуждали, как выживали без денежного довольствия и иных благ? А зачем вообще пошли на эту войну? Зачем служили?

Книга основана на реальных событиях. Герои этой книги являются результатом воображения автора, совпадение с реально существующими людьми и событиями может быть только случайными.

### **Глава 1.**

Март 1992 года. Россия.

Самолет приземлился на подмосковном аэродроме Чкаловский, ночью.

Метель. Мороз. А у нас, у всех отличное настроение. Все кончилось. Я покинул ненавистный Кавказ. Сколько ждал я этого момента! Дай бог больше никогда на этот Кавказ не вернуться!

Экипаж забрала машина, а нам показали направление, в котором надо двигаться. Пару километров пешком, с вещами. Не по-человечески. Но в Советской Армии что может быть по-человечески? Все что угодно, кроме отношения к людям. На КПП спросили, как добраться до Москвы. Выяснилось, что до утра это невозможно и в казармы местные нас никто не пустит.

Через несколько минут к внешней стороне КПП подъезжает ЗиЛ -131. Сергей подошел к старшему машины, прапорщику. Еще через несколько минут мы все собираемся у кабины старшего. Прапорщик не выдерживает и соглашается отвезти нас на станцию.

Электричек не будет до утра. Находим какой-то ПАЗик и договариваемся что он нас, за деньги отвезет в Москву на площадь трех вокзалов. По пути спрашиваем водителя знает ли он гостиницу, где могут быть свободные места. Водитель обещает отвезти желающих к гостинице «Минск», за небольшую плату.

Желающих оказалось двое: я и Сергей. Ели-ели уговорили комбата. Он бережет деньги для семьи. Мы обещали, что договоримся что бы его пустили «зайцем», к нам в номер и ему не придется платить. Едва уговорили. На самом деле решили сами заплатить за него.

У трех вокзалов простились с однополчанами.

Места в гостинице были, дали сверху пятьдесят германских марок. За комбата заплатали сами, ему наврали. Разместились, помылись, достали харчи, коньяк был у всех. У дежурной купили сосиски и хлеб, очень дорого, но делать нечего. Ей хорошо и нам тоже. Шоковая тера-

пия от Егора Гайдара быстро превратила все в рынок. Зато если есть деньги все можно купить и решить. У Сергея кипятильник, чай и сахар.

И главное! Прямо из крана, из душа идёт горячая вода. Блаженство!

Отметили хорошо.

Я наконец уговорил комбата рассказать о том знаменитом Памирском марше его 860 отдельного мотострелкового полка, при вводе войск в Афганистан в декабре 1979 года. У меня не укладывалось в голове как они с приписным составом, в советской военной форме смогли выдержать в горах шквальный ветер при морозе более минус сорок градусов и провести технику по серпантинам. Потом сходу, как только вошли в Афганистан вступили в бои и как тяжело учились там воевать. Мне жалко было расставаться с таким опытным командиром. Именно опытным, оттого спокойным и рассудительным в боевой обстановке. Но уже было ощущение что ни он, умудренный опытом боевой командир, ни мы еще молодые, но уже получившие первый опыт, приближенный к боевому, унижительный и обидный, но не менее ценный, никому не нужны.

Встали поздно. В штаб округа я собирался только после завтра. Серега решил остаться еще на один день в Москве и сходить со мной в ресторан. Проводили комбата, ему нужны были билеты до Свердловска. Простились. Тяжело.

Позвонили своим. Мои родители были очень рады что я покинул этот Кавказ. Ольга взяла с меня слово что как только выяснится в какой конкретно гарнизон меня направят, я ей сразу позвоню.

Здесь в Москве Сергей преобразился. Стал веселым, общительным (со мной), приветливым со всеми, очень жизнерадостным человеком. От этого молчаливого и замкнутого белоруса не осталось и следа. Мои подозрения что Сергей стал ненавидеть всех людей развеялись. Передо мной опять стоял тот самый улыбчивый и немного бесшабашный Серега, с которым я познакомился в далеком 1988 году.

Вечером сходили в ресторан, за валюту. Везде висели таблички «СКВ», что означало что товары и услуги доступны только за свободно конвертируемую валюту. К ней относились имевшиеся у нас доллары и марки, но не рубли. Шиканули, но не слишком. Вспоминали и Новикова, и Курдюмова, и Игоря, и комбата, и замполита батальона и еще много кого. Так получалось что в нашем батальоне нам посчастливилось служить с хорошими и порядочными офицерами, никого плохим словом не вспомнили. Тему позорного бегства (предательства нас с Серегой) Курдюмова на Украину обошли стороной, уж слишком она была тяжелой, для нас. Человек слаб и ничего тут не сделаешь. Предательство распространенная явление. Вспомнили многих бойцов и разные истории. И конечно, вспомнили наше преступление и весело хохотали, без малейших сожалений. Единственное Сергей меня упрекал что я не осмотрел кабину машины, там могли остаться деньги. Слишком маленькая сумма нам досталась. Впрочем, я был уверен, что мы забрали все деньги, потому что грузины были сильно напуганы и в кузове еще оставались не распроданные печки.

Отдельно обсудили и вспомнили «наших» украинцев, точнее их разговоры и претензии к России. Выяснилось, что моему белорусу это запало в душу еще больше чем мне, просто он смотрел на это с другой точки зрения, с точки зрения человеческой порядочности. Это был его традиционный и фирменный взгляд. Не зря Сергей был земляком Василя Быкова. Не знал я до сегодняшнего дня и то что он крайне плохо относится к настоящим украинцам, оказалось, что его родственники в Белоруссии очень сильно пострадали именно от рук прислуживавших германцам украинцев. Столько времени мы провели с ним вместе и совсем не знали друг друга. Это было удивительным.

С другой стороны, Сергей сказал мне что и меня он, оказалось, совсем не знал. Он считал меня настолько порядочным и честным человеком, что и представить себе не мог что я предложу ему совершить самое настоящее уголовное преступление.

На следующий день простился со ставшим мне родным моим белорусом, командиром роты. Опять тягостно на душе. Обменялись адресами и телефонами родителей.

Переоформил в гостинице другой номер и на следующий день пошел в штаб округа, точнее в управление кадров.

Первый вопрос:

– Почему вы товарищ старший лейтенант в полевой форме?

Я объяснил, но отношение у полковника-кадровика было уже предвзятое.

– И что вас всех в Московский военный округ? МВО вам резиновый что ли?

Я молчал. Терпел.

– Это хорошо, что ты командир взвода. Должности командиров взводов есть. Есть даже капитанская – командир учебного взвода, учебной дивизии в городе Ковров. Пойдешь?

– Не хотелось бы на учебный взвод.

– Тогда могу предложить в Дзержинск, там из Чехословакии вывели танковую дивизию, два танковых полка которой стоят отдельно, в Дзержинске. В обоих полках есть вакантные должности командира взвода в мотострелковых батальонах.

– А остальные полки дивизии где стоят?

– Ну ты и наглец! Я тебе предлагаю хорошее место, в городе, трамваи ходят.

– Я из любопытства. Я знаю, что с вами дерзить нельзя и не собираюсь. Просто стало интересно, поэтому спросил.

Кадровик посмотрел на меня мельком и уже спокойно ответил:

– Два танковых полка и разведбат в Дзержинске, остальные полки и отдельные батальоны в Сормово, в самом Нижнем Новгороде. А может ты в разведбат хочешь? В разведбате тоже есть должности.

– Товарищ полковник, направляйте меня в один из танковых полков в Дзержинск.

– Выходит ты от капитанской должности отказываешься?

– Так точно.

– Ну и правильно. Понимаю.

Я достал из сумки бутылку подарочного грузинского коньяка и поставил на стол.

– Это вам.

– За что? Убери.

– В том то и дело что ни за что, просто так. За то, что нормально ко мне отнеслись. Спасибо. Я очень хотел послужить в городе.

Полковник посмотрел на меня, взял бутылку.

– Может тебе надо несколько дней до убытия в полк?

– Я бы не отказался.

– Давай приходи через неделю. Погуляй, только смотри без приключений. Поедешь в Дзержинск, вопрос решенный.

– Спасибо, товарищ полковник.

Я вышел из штаба округа с созревшим планом. Позвонил родителям и Ольге, сообщил о том, что буду служить в Дзержинске, а сейчас отправляюсь за машиной в Витязево. Все обрадовались.

Потом позвонил бабушке и сообщил что приеду.

Бабуля не отходила от меня ни на шаг, кормила всякими вкусностями, взяла с меня обещание что я обязательно приеду к ней в отпуск. Я подготовил машину к перегону, оружие спрятал среди вещей в чемодане (бабушка дала мне три комплекта постельного белья, нормальные полотенца и прочее). Загрузил машину вареньями, соленьями, картошкой и прочими овощами. Взял подушки и одеяла. На сей раз, я ни от чего не отказывался, ведь вознамерился жить в нормальных условиях. Кроме того, время наступило голодное. Точнее, шоковая тера-

пия Гайдара быстро привела к изобилию на полках магазинов, но денег не хватало. Лучше так, чем дефицит всего и вся.

Загрузив машину до отказа, простился с бабушкой и рано утром выехал в Москву. Съехал с трассы в Воронежской области и напросился на ночлег к одной бабушке, совсем за небольшие деньги. Вторую ночь спал в машине в поселке Калининск, где располагается Таманская мотострелковая дивизия, так было безопаснее в это беспокойное время.

Утром прибыл в штаб округа, получил предписание и поехал в Дзержинск.

Вечером приехал в Дзержинск, быстро нашел военный городок. Он находился рядом с площадью Свободы. Припарковал машину у КПП и пошел представляться командиру полка, который был в это позднее время еще на месте.

Представился. Командиром оказался подполковник, интеллигентный и судя по всему умный человек.

– Почему прибыли представляться в полевой форме? – строго и с большим неудовольствием спросил командир полка.

– Вся форма, кроме полевой, пропала под обломками казармы, после артиллерийского обстрела.

– Служить желание есть? Увольняться не желаешь?

– Никак нет. Я хочу служить.

– Это очень хорошо. А то в полку больше половины командиров взводов, рот и батарей желают уволиться.

В это время в кабинет зашел начальник штаба полка, тоже подполковник. Я представился, и он мне пожал руку. Командир полка предложил присесть и меня начали с большим интересом расспрашивать о моей службе на Южном Кавказе и о тех событиях в которых я участвовал. Было видно, что эти люди тяжело переживали все происходящее в стране. Во время разговора командир полка позвонил в офицерское общежитие и приказал подготовить мне койку. Разговор завершился очень доброжелательно и по-товарищески.

– Сегодня идешь в общежитие. Все остальное завтра. В общежитии тебе подготовили место. В отпуска свои пойдешь в удобное для тебя время, заслужил. Отмокай потихоньку, но и в службу быстрее втягивайся.

Начальник штаба лично распорядился впустить мою машину на территорию городка и внести ее в списки.

Место, которое мне выделили в общежитии оказалось временное, потому что комната предназначалась для семейных, со своим туалетом и душевой. Здание было добротное, кирпичное в отличном состоянии.

Постоянное место мне выделяют в одноэтажном сборно-щитовом доме, под названием «модуль» в четырех или шестиместных комнатах, с общими на все общежитие туалетом и душем, как только там освободится койка, после увольнения очередного офицера.

После того как разместился, пошел посмотреть модуль и сразу решил, что предприму максимум усилий для съема жилья за пределами полка. Особенно не понравилось наличие крыс. Хотелось пожить с комфортом. Деньги пока что есть, а потом разберемся.

Утром до развода представился комбату, уже не молодому майору, недавно назначенному на должность, и его заместителям. Комбат уже знал обо мне от командира полка. Все отнеслись ко мне в высшей степени доброжелательно. Потом представился командиру роты, капитану Осипову Виктору Петровичу, который давно должен быть майором, но прослужившему в полку в Чехословакии почти шесть лет (повезло, под вывод полка уже не сделали замену) и все время командиром этой роты, а всего он прокомандовал этой ротой семь с лишним лет. Встретил он меня с прохладой и недоверием, но, когда узнал, что я хочу служить, а увольняться не собираюсь, сразу заулыбался и стал приветливым. Оно и понятно, ведь двое других командира взвода написали рапорта на увольнение и к службе уже относились наплевательски. Прапор-

щиков в роте не было, ни старшины, ни техника, уехали к себе на Украину, через несколько месяцев после вывода полка из Чехословакии. Помощник командира роты по работе с личным составом (так начали называть бывших замполитов) вакант. Осипов мне сказал, что фактически, мне придется быть его заместителем, сказал мне не мечтать, что я буду командовать только своим взводом. В других ротах и минометной батарее ситуация точно такая-же.

Комбат на разводе представил меня всему личному составу батальона. Впрочем, батальон – это громко сказано, ведь в нем на тот момент было меньше двухсот человек, хронически не укомплектован.

Первое впечатление от полка и батальона было хорошее. Несмотря на продолжающийся развал, здесь еще чувствовалось что-то сохранившееся от службы в ЦГВ (Центральная группа войск), порядок и дисциплина были вполне удовлетворительными.

Батальон на БМП-2. Я очень любил эту машину. В роте сорок солдат. В моем взводе двенадцать, все командиры отделений, наводчики-операторы и механики-водители, замкомвзвод, один пулеметчик и один гранатометчик. Не густо, но служить можно. Замкомвзвод, украинец, призванный с Украины, с Винницкой области сержант, которому увольняться осенью. То есть по сути дела дослуживающий в нашей армии гражданин уже другой страны, но таковы были какие-то там договоренности между руководством наших стран.

Два других командира взвода, ни слова не говоря, сразу после развода демонстративно направились в сторону КПП, вместе с другими такими же из других подразделений батальона и полка. Ясно, что этот вопрос ранее уже отработан до автоматизма и им никто слова не сказал. Как выяснилось позже, все уже устали воевать с такими увольняющимися, но из-за того, что с ними ничего нельзя сделать, все махнули на них рукой. Хотя, мне рассказали, что как только такое началось, страсти кипели сильные, ругались, орали и чуть ли за грудки хватали друг друга.

По первым же наблюдениям понял, что личный состав роты проявляет дисциплинированность только в присутствии командира роты. Спокойной жизни у меня не предвидится. Особенно порадовало, что ни в роте, ни в батальоне не было ни среднеазиатов, ни кавказцев. Все славяне, а значит не будет никаких межнациональных отношений и проблем.

Самое тяжелое было перестроить свои мозги. Служба в полку в Закавказье и служба в этом полку не имела ничего общего. Но перестроить свое мышление и подходы мне было не легко. К чему-то я там относился серьезнее, на что-то не обращал вообще внимания. Мысленно я вновь и вновь возвращался туда, на Кавказ и начал даже находить что когда-то и что-то было там хорошее, особенно в период, когда командиром роты был Новиков. Сравнивал не сравнимое.

Через несколько дней я остался в батальоне ответственным. С огромным трудом и большими нервами добивался от личного состава выполнения распорядка дня и прочих требований. Стало понятно кто из солдат и сержантов оказался самым авторитетным в батальоне. К сожалению, это не был мой заместитель, хохол. Ему было очень далеко до этого. Это был водитель из взвода обеспечения батальона, по фамилии Кучумов. Вот с ним я и решил поговорить.

Разговор не получился совсем. Я ели сдержался чтобы не набить ему морду.

Посоветовался по этому вопросу с Осиповым. Но тот сказал, что ничего с этим Кучумовым сделать нельзя. Водителей хронически не хватает во всем полку, дефицит. Поэтому этого Кучумова комбат не даст ни на гауптвахту посадить и ничего другого сделать, Кучумов это знает, пользуется и еще больше буреет.

Питался в сухомятку и только обедал в офицерской столовой, в которой совершенно не было народа. Оно и понятно, теперь это стало дорого для офицерской полочки.

В первый свой выходной я решил заняться поиском квартиры. Меня предупредили что уже через несколько дней мне будет предоставлено место в модуле. На майские праздники ко мне должна приехать Ольга.



Купил местную газету и нашел там объявления о сдаче однокомнатной квартиры, расположенной не далеко от полка. Пошел в телефон-автомат и позвонил. Договорились о встрече.

Квартира была на пятом этаже сталинского дома, окна во двор, очень чистая, со свежим косметическим ремонтом, мебелью, холодильником, телевизором и даже с посудой.

То, что я офицер, видимо импонировало хозяйке квартиры, но мой возраст ей очень не нравился.

– Давайте так договоримся. В этой квартире вы проживаете один и никого сюда не приводите.

– Нет, этого я вам обещать не могу. Я снимаю квартиру и ухожу из общежития не для того чтобы жить одному. Скоро ко мне из Калининграда приедет моя девушка. Родители тоже обещали проведать, соскучились.

– Хорошо, пусть девушка ваша живет. Родители тоже, конечно, могут. Но вот других девушек и друзей сюда приводить не надо.

– Буду с вами честен. Вполне возможно, что иногда здесь будут ночевать и другие девушки, а не только моя невеста.

Хозяйка с беспокойным и недоуменным взглядом посмотрела на меня. Но, видимо, в этом городе, да еще в такое тяжелое время не так просто сдать квартиру. Она промолчала, а я продолжил:

– Обещаю, что здесь не будет никаких пьянок и попоек. Я сам мало пьющий, не люблю. И друзей здесь не будет, ну разве что кто-то проездом заедет ко мне. Такое может быть. Не беспокойтесь.

В итоге договорились на триста долларов за год, деньги вперед. Взял с нее расписку в получении денег за год вперед. На этом все формальности были улажены.

Поразился тому как быстро мне удалось провернуть это дело, а я боялся к нему подступиться. Радости моей не было предела. Хорошо, что у меня есть эти самые доллары.

Невольно вспомнил то нападение на грузин, где нам с Сергеем удалось захватить деньги. Я бы и сейчас повторил это с легкостью.

В комнате общежития оставил только часть формы, остальное быстро перевез.

Потом поехал на рынок купить мясо чтобы приготовить себе щи из свежей капусты и еще что-нибудь. Придется учиться готовить что-то кроме первого, ничего не поделаешь.

Первое что бросилось в глаза на рынке, это засилье гостей с Кавказа. Чувствовалось что они здесь вовсе даже не гости, а самые настоящие хозяева жизни, ведут себя агрессивно и вызывающе. На меня нахлынул приступ ненависти. Вы же орали, там, у себя: «Русские оккупанты», «Русские убирайтесь» и так далее.

Что мы за народ такой? Ни гордости, ни высокомерия. Вот британцы или германцы сразу бы показали кто тут господин, а кто унтерменш. Как из нашего народа выбить интернационализм? Коммунисты вбили нашему народу эту мерзость в голову и до такой степени что мы даже у себя дома позволяем чужакам демонстрировать издевательство над нами. Долго находиться на рынке я не мог, поэтому быстро все купил и уехал к себе.

Щи получились отличные, а с котлетами что-то не получилось, расползались и вообще вышли не вкусными, но с пюре проскочили. На несколько дней еда была готова. Холодильник заполнен продуктами. Все что надо было постирано и поглажено, можно было поехать по городу, познакомиться.

Утро, понедельник, «командирский день». Комбат уже перед подъемом, на построении командиров батальонов, дивизионов и отдельных рот, получил от командира полка жесткое внушение за то, что вчера вечером, ответственный по полку «замполит» полка поймал наших бойцов пьяными. Но это еще мелочь, при попытке навести порядок в батальоне, пьяные бойцы начали пререкаться и фактически вышли из повиновения. У нас ответственным по батальону был «замполит» батальона, который сам оказался выпившим и пустил все на самотек.

Быстро установили зачинщиков и участников этого безобразия. Конечно, среди них, кроме прочих, был Кучумов и еще несколько человек, четверо с нашей роты.

Но наказать никого мы никак не могли. После развода почти всех людей роты разобрали в различные команды, так что мне ели-ели удалось отстоять двух механиков-водителей для работы в парке.

– Будете разбираться с ними вечером, после ужина. – отрезал комбат.

Комбат вывел из строя всех участников безобразия. Коротко отругал. Кучумова предупредил что если еще раз поймает его на пьянке, то несмотря ни на что, порвет его водительские права и поставит на должность стрелка в одну из рот. Было видно, что Кучумов угрозы комбата воспринял всерьез. Но это ничего не решало, просто этот солдат боялся только комбата, а остальных, особенно командиров взводов ни во что не ставил. И на этом все. Чего в таком случае ждать? Понятно. Что бы меня слушали мне надо было добиваться и завоевать собственный авторитет. Это была уже давно очень актуальная для меня задача. Если в парке, при работе на технике (где я основном и пропадал), мне удавалось добиваться выполнения поставленных задач, то при выполнении функции старшего на других работах мне это удавалось с очень большим трудом. Проблема уже перезрела.

Осипов тоже негодовал и признался мне, позже, когда перед обедом зашел в парк посмотреть, как продвигаются у меня дела:

– Ты знаешь, когда рота была развернутой, шла боевая подготовка. Да еще какая! Стрельба, вождение, день-ночь, по кругу. Проверки и так далее. Было очень тяжело командовать, но было легче чем сейчас. Дисциплина была железная. Я ведь дважды роту делал отличной. Поверь, это очень тяжело, особенно там за границей. А потом как получается? Сдали проверку, рота все умеет, любую задачу выполним на счет раз, потом увольняем дембелей, приходит новое пополнение, обученность резко падает и начинаешь все сначала. Сейчас мне очень больно смотреть в каком состоянии оказалась рота и батальон в целом. Командир полка предупредил, что скорее всего будет еще хуже. Пополнения не будет. Возможно в батальоне останутся одни офицеры. Поэтому, сейчас надо сделать все по максимуму, пока личный состав есть. Потом будем все сами делать. Командир полка говорит, что в авиационных частях, уже сами офицеры-летчики в караулы часовыми ходят.

– Не может такого быть!

– Может. Теперь наша армия будет питаться только призывниками из России, а их очень мало. Откуда было больше всего солдат? Средняя Азия, Закавказье, украинцев много было. Теперь они там у себя будут служить. Да и в военкоматы никто не пойдет. Демократия!

– А как так получилась что замполит батальона допустил пьянку, когда он был сам ответственным?

– Замполит у нас мужик нормальный. Там, в ЦГВ, он был грозой солдат всего полка, в свое время. Раньше у замполитов власть была огромная. Да ты и сам знаешь. Застал. Он ни одного офицера не сожрал, наоборот прикрывал где мог. В общем, повторю, нормальный мужик он был. А тут замполитов взяли и сделали помощниками. Понимаешь? Был замом, майор, на майорской должности, а стал помощником на капитанской. Ну полномочия, возьми, ради интереса посмотри и сравни. Там КПСС была и все такое, тоже попробуй покрутись, выполни все что от них требовали. А сейчас что? Понимаешь пропало у них всякое желание, представь себя на его месте. А куда расти? Вот и доживают до пенсии, чтобы поскорее уйти.

– А я считаю, что в целом правильно, что политработников убрали. Просто надо было не так, не всех под одну гребенку.

– А как?

– Правильно что убрали всяких там секретарей парткомов и комитетов ВЛКСМ, пропагандистов и прочих. В танковом батальоне, артиллерийском и зенитном дивизионе замполиты не нужны, там людей мало, по сравнению с пехотой, с ними может сам замполит полка спра-

виться, а вот в мотострелковом батальоне нужен замполит и в мотострелковых ротах тоже. Именно заместитель, только, конечно, не по политической части, а по работе с личным составом или еще как-нибудь их там назвать. Помощники не нужны. Нужны замы с правами, и чтобы отвечали. А с помощника какой спрос?

Осипов посмотрел на меня внимательно и ответил:

– А, пожалуй, ты прав. В разведроте тоже нужен.

– И в роте материального обеспечения и в ремроте. Эти роты большие и сложные.

– Согласен.

– У нас-то в роте почему эта должность вакантная?

– Говорят, что увольняются они все. А военно-политические училища будут или расформированы, или выпускать будут командиров, станут командными, база там хорошая. А потом кто хочет в пехоту? Все ищут места потеплее, естественно. Сам знаешь.

– Что с нашими уродами-алкашами делать будем?

– Не знаю. Пока не знаю. На гауптвахту не посадишь, и так народа нет. Что остается? Замечание? Выговор, строгий выговор? То есть остается одна мера, дать им трандюлей, а потом побеседую по душам. За мной не заржавеет.

Осипов ушел, и я остался переваривать наш разговор. А что бы сделал Новиков на месте Осипова? Тоже самое. Абсолютно тоже самое, никаких сомнений. Мне не хотелось так поступать, но выхода я не видел.

Постепенно от тяжелых мыслей отвлекла техника. Ту машину, которую мы не могли завести и копались с ней уже не один день, завелась, что вызвало у меня большую радость. Наконец!

Через пару минут завелась и одна из САУ артдивизиона. Я уже познакомился с командиром одной из батарей и командиром взвода, которые тоже мучились не один день над одной из самоходок.

Мимо меня на заправку прополз танк Т-80, оглушив звуком своего газотурбинного двигателя.

Подумал о другом. Какая же мощь был наш полк, когда стоял там, в Чехии, не далеко от границы со странами НАТО. 94 вот таких Т-80 чего стоят! Плюс к этому 18 САУ, да не простых, САУ «Акация», 152-мм гаубицы. Обычно в танковых и мотострелковых полках САУ «Гвоздика», 122-мм гаубицы, а у нас в полку «Акация», которая может стрелять спецбоеприпасом (ядерным проще говоря). В Гяндже даже в артиллерийском полку дивизии, такого калибра не было, из ствольной артиллерии только буксируемые гаубицы Д-30, а тут в танковом полку «Акации». Наш батальон тоже силища огромная, более сорока БМП, девять минометов, шесть АГС-17 и много чего еще.

В это время, засобирались на обед зенитчики. «Тунгуски» одной из батарей зенитного дивизиона, начали опускать свои антенны, командир этой батареи, тут же, поддал пинка за что-то зазевавшемуся солдату. Видимо за соблюдение «мер безопасности». Это выглядело особенно смешно: на фоне новейшей и современной техники старые и надежные методы управления личным составом. И главное, никто не обиделся. Солдат знает, что получил за дело и не хочет ни на гауптвахту, ни бесед всяких. И командиру батареи хорошо, он наверняка тоже не имеет желания читать нотации подчиненным, да и некогда. Дело надо делать.

Эти «Тунгуски» совсем новая техника, поговаривают что кроме самого командира батареи и одного молодого лейтенанта ее больше никто в зенитном дивизионе не знает.

Все офицеры в разговорах между собой были едины во мнении что не надо было выводить все войска из стран Центральной и Восточной Европы. Надо было оставить в каждой стране хотя бы по одной танковой или мотострелковой дивизии и летчиков какое-то количество, конечно. Понятно, что там было огромное количество войск, избыточное и стране тяжело было бы это содержать, но выводить полностью это было большой ошибкой.

Я представил наш танковый полк, выходящий на учения в Чехословакии со всеми подразделениями, со всеми танками, БМП, САУ, ЗПРК и прочими там мостами и понтонами. С обученным и хорошо дисциплинированным личным составом. Силища непобедимая. Никто не посмеет подумать о войне с нами! А сейчас? Сейчас не известно. Известно только что слабых бьют. В чем я сам лично убедился, когда наш полк в Степанакерте был разукомплектован. Бьют безжалостно. С другой стороны, пока у нас есть надежные стратегические ядерные силы, кто посмеет на нас напасть? Но не известно в каком состоянии они находятся. А что делать в таких маленьких конфликтах как в Карабахе? К такому мы сейчас не готовы, однозначно.

Жаль, что все приходит в упадок. А почему? Потому что главное это люди. Грустно, но над этими словами наших политработников, мы всегда всячески издевались и смеялись. И я среди первых. Считали эти их слова большим лукавством. А в последнее время я эту их фразу часто вспоминаю. Главное, но не единственное. В нашем полку отличная техника в боеготовом состоянии, но людей не хватает, а те что придут им на смену будут плохо обучены и мотивированы. Поэтому техника неминуемо будет приходить в упадок и действовать на ней они не смогут. А с другой стороны можно иметь отличных людей, но не иметь хорошей техники, и получается тоже плохо. Вывод-то простой: нужны и люди, и техника, но главное люди.

Техника нашей роты была в приличном состоянии. Чувствовалось что она долгое время находилась в хороших руках Осипова и получала надлежащий уход и обслуживание. Если мерить по главному военному критерию: она «заводилась». Так сложилось, что, если «заводится», значит все остальное вполне можно быстро поправить. Но, все кто командовал взводами и ротами, понимают, что кроме «заводится» на технике столько «мелочей», что все их переделать очень сложно и почти невозможно.

В принципе, дела продвигались успешно, но был вопрос, который невозможно было решить – это аккумуляторы. Некоторые аккумуляторы уже выслужили установленный срок службы, а у большей части срок службы истекал уже в следующем году, но нас предупредили что замены старым аккумуляторам не будет и «берегите то что есть». Проблема.

Вечером я поехал на своей машине в промзону, просто посмотреть. Издалека, на дороге увидел УРАЛ нашего батальона, я рядом с ним Кучумова, который стоял возле него и скачивал солярку в рядом стоящий гражданский КАМАЗ.

Остановился. Вышел из машины, ни слова не говоря, посмотрел и уехал. Кучумов, увидев меня никак не отреагировал, только нагло и пристально посмотрел, и спокойно продолжил свое дело.

Вернувшись в батальон выяснил что машину с Кучумовым брал, сегодня, начальник штаба батальона. Видимо начальник штаба, после всех необходимых поездок, приехал домой, расписался в путевом листе и отправил Кучумова в парк самостоятельно, а тот, в свою очередь, по дороге решил слить солярку и заработать на водку.

Что делать? Шум не надо поднимать, это в любом случае. Завтра доложить начальнику штаба батальона, а там пусть сам разбирается. Но что-то в этом варианте мне не нравилось. Мне хотелось разобраться с этим наглецом самому.

В принципе все солдаты моей роты, да и всего батальона мне нравились, включая Кучумова. Я понимал, что окажись мы в обстановке близкой к боевой, все проблемные солдаты станут одними из лучших и инициативных, а у нас резко изменились бы отношения друг с другом. Сейчас же меня, личный состав воспринимает как полицейского, а не как своего командира. Именно поэтому мне тяжело ими командовать, не хотят подчиняться. Сейчас, в мирное время, это вопрос авторитета, который может держаться только на страхе передо мной и на моей силе (не только физической). Поставить все «на кулак»? Но у меня не такие могучие кулаки. А потом, хоть политработников и отменили, но все равно риск налететь на уголовное дело оставался.



Что остается? Беседа? Мои попытки достучаться до их сознания, ни к чему не привели. Наоборот, я подозреваю, воспринимаются как моя слабость. Что делать? Опять же, самый авторитетный солдат в батальоне – это Кучумов, он же и самый наглый в батальоне солдат. Пока Кучумова, я сам, лично, на место не поставлю он не даст хоть сколько-нибудь укрепиться моему авторитету в батальоне. Выходит, надо разговаривать с Кучумовым, но первая попытка оказалась крайне неудачной. Попробовать Кучумова избить? Но, Кучумов запросто ответит, нет сомнений. Кроме того, он высокий и широкоплечий, явно занимался вольной борьбой, мы с ним в разных весовых категориях. Имел многочисленные приводы в милицию, видимо поэтому он оказался у нас, а не в ВДВ или в спецназе. Что еще известно о нем? Известно, что он прилюдно послал на три буквы свою мать, которая приехала его проведать, вырос без отца, а старший брат сидит где-то в тюрьме.

Я сидел в канцелярии своей роты и предупредил дежурного вызвать ко мне Кучумова, как только он появится. Плана у меня не было и идей тоже не было.

Дверь канцелярии распахнулась в нее без стука вошел Кучумов и обратился ко мне:

– Что надо?

Меня не удивила такая наглость, что-то в таком духе я ожидал.

– Я вызвал, тебя солдат для того чтобы сказать, что ты чмо. Для того чтобы в глаза объявить тебе что ты трус и последняя шестёрка в батальоне. – ели сдерживая ярость спокойно произнес я.

– Что ты сказал, гандон? – прошипел от неожиданности Кучумов.

– Повторю. Ты стукач особиста полка, чмо и шестерка.

– Стукач кого?

– Особиста.

– Кто это такой? – недоумеваю произнес Кучумов.

– Вот, вижу хорошую подготовку КГБ. Я знаю, они там своих стукачей готовят к таким разговорам.

– Что ты несешь, старлей? Ты че о..л? – уже громко произнес Кучумов.

– Я тоже сейчас начну орать и весь батальон узнает кто ты.

– Я не понял. Поясни предъяву. – уже более спокойно и гораздо тише произнес Кучумов.

– Дверь плотно прикрой.

Кучумов послушно прикрыл дверь.

– Поясняю. Ты нагло на глазах офицера продаешь солярку. Смело пьешь водку. Очень нагло, с вызовом, на «ты» смеешь обращаться ко мне. Почему? Кто из батальона может себе это позволить? Никто. Только ты. Почему? А потому что тебя опекает особист. Только под их опекой можно такое себе позволить.

– Это все х..ня, то что ты говоришь. Мне все пох...

– Возможно. Но, ты мне объявил войну. Я не хотел принимать вызов, но другого выбора у меня нет. Ты решил подрывать мой авторитет, а я буду уничтожать твой авторитет. Это война. Посмотрим кто победит.

– Я твой рот..... – Кучумов разразившись матерной тирадой покинул канцелярию.

Полный крах. Я остался с очень тяжелыми мыслями.

Это беспредел! И ничего сделать не могу. Так оставлять нельзя. Надо срочно с этим Кучумовым разбираться. Но как? Выход только один.

Я взял лежавший у меня в сейфе заполненный магазин к ПМ, вышел в расположение и направляясь быстро к Кучумову громко крикнул:

– Рядовой Кучумов, ко мне!

Кучумов обернулся и громко ответил:

– Пошел на .....!

В расположении раздался громкий, веселый и одобрительный смех солдат.

В ту же секунду я подскочил к Кучумову и что есть силы, максимально расчётливо, нанес ему кулаком с зажатым в нем магазином удар в лицо. Кучумов пошатнулся, а я тут же нанес ему еще несколько ударов в туловище. Кучумов начал оседать. В это время один из солдат взвода обеспечения батальона успел принять стойку для нанесения удара по мне и я мгновенно переключился на этого солдата, который после первых же ударов закрылся и медленно отступил, потом отыскал глазами еще одного солдата который явно громко смеялся и нанес несколько ударов по нему. Остальные быстро отскочили на безопасное расстояние и все смешки резко прекратились.

Я осмотрелся. Кучумов присев пытался прийти в себя.

Не дать ему этого сделать! Только добивать, пока не попросит пощады!

Я нанес сильнейший удар в туловище Кучумова ногой. Кучумов буквально завыл от боли. Не останавливаясь нанес ему удар ногой в голень. Потом нанес еще по несколько ударов ногами остальным двум солдатам. Оба запросили пощады, и я им скомандовал:

– Встать!

Солдаты не смогли подняться, а я нанес им еще по паре ударов ногой. Но уже не так сильно.

– Встать!

Вскочили.

Посмотрев на своего заместителя, скомандовал:

– Немедленно сюда три половых тряпки и ведра!

Через несколько секунд тряпки и ведра были на месте.

– Взлетку! Даю четыре минуты!

Оба солдата переглянулись, и я сразу нанес им несколько ударов ногами, после чего началась влажная уборка.

Этого, от них, мне было достаточно.

Ни слова не произнося подойдя к Кучумову нанес ему несколько ударов ногой.

– Хватит! – заорал Кучумов.

– Проси прощения чмо! Громко, так что бы весь личный состав слышал! – заорал я и нанес ему сильнейший удар ногой в ягодицу.

– Не буду!

Я нанес еще несколько ударов, но Кучумов издавал только стоны.

Не попросит. Бесполезно. Надо как-то выходить из этой ситуации.

Подожел к своей роте. Увидел один ненавидящий взгляд и тут же нанес удар, потом еще несколько ударов по кому попало. Воцарилась тишина.

– Батальон строиться! Бегом!

Все быстро зашевелились, забегали.

– А сержанты в этом сраном батальоне есть?

Начали раздаваться команды сержантов. Построились. Мне доложили.

Стояла мертвая тишина.

– С этого момента все мои команды и распоряжения выполняются мгновенно и беспрекословно, всем личным составом батальона. Есть те, которые не согласны?

Тишина.

– Не слышу!

– Никак нет! – ответил батальон в разнобой.

– Не понял.

– Никак нет.

В итоге через несколько раз получил громкий и дружный ответ.

Кучумов продолжал находиться в том же месте и слегка постанывал.

– Вольно! – подал я команду.

Осмотрел весь строй и обратился ко всему личному составу.

– Мужики! Я не хотел этого всего. Я не хотел бить Кучумова. Даю вам честное слово. Как его зовут?

– Саня. – ответил кто-то.

Я подошел к Кучумову и произнес:

– Саша, я не хотел тебя бить, я не хочу тебя унижать. Ты не оставил мне выбора, ты меня сильно унизил, и я был вынужден ударить своего сослуживца солдата, тем более русского. Прости меня, Саня, от души прошу. Прости. Я тебя тоже простил. Даже без твоих слов простил.

Я протянул руку, перекинул руку Кучумова через свою шею и начал поднимать его с пола. Посадил на табуретку.

Подозвал санинструктора роты (в то время эта должность еще была в роте и ее занимал нормальный боец, имеющий диплом медучилища), приказал оказать помощь Кучумову.

– Почему? – задал я вопрос подходя к строю.

Бойцы смотрели на меня с недоумением.

– Почему, когда к солдатам грузинам или азербайджанцам приходит служить офицер грузин или азербайджанец, то они сразу окружают его и стараются помочь? А вы, когда пришел я, такой же русский, как и вы, встретили меня с враждой? Почему? Я вас спрашиваю?

Стояла гробовая тишина.

– Вы все наверняка успели послужить и с кавказцами, и с призывниками из Средней Азии и многое успели понять. Почему вы меня так встретили? За что?

Я медленно обошел строй, всматриваясь в лица бойцов. Многие отводили свой взгляд. Было видно, что мои слова запали им в душу.

– Я так мечтал о том, чтобы у меня все солдаты были русскими, пускай бурятами, украинцами, якутами, но русскими по мозгам, по культуре. И что получил? Я мечтал служить в России, дни считал, как вы, дембеля. Зачем вы так ребята? Вынудили меня руку поднять на таких же, как и я русских ребят. На прежнем месте службы я и с кавказцами, и с таджиками и узбеками нашел общий язык, но очень тяжело. Думал, что уж здесь все будет по-другому. А что вышло? За что вы так ребята ко мне отнеслись?

– Извините, товарищ старший лейтенант, мы потом уже узнали, что вы в Карабахе воевали, но уже было поздно. – ответил один из самых авторитетных сержантов батальона, из соседней роты.

– А если бы не воевал, то что?

– Тогда другое дело.

– Почему?

– Офицеры тоже разные бывают.

– Мы вас больше не подведем. – спокойно произнес мой заместитель.

– Товарищ старшнант, давайте забудем.

– Согласен забыть. И у меня еще есть пожелание. Не называйте меня, пожалуйста, старшнант. Называйте меня товарищ старший лейтенант, членораздельно. Мне не просто так досталось это воинское звание. Еще из этой же оперы: не называйте меня взводным, только командиром взвода. Потому что я командир, а не бегунок какой-то.

– Ясно. Так и будет. В нашем батальоне, и командиры рот не разрешают их называть ротными, только командирами рот. Нам уже давно это объяснили. – произнес сержант из минометной батареи.

– Мы все поняли, товарищ старший лейтенант. – глухо произнес Кучумов, который продолжал сидеть на табуретке.

– Разойдись! – скандовал я.

Ко мне подошел командир одной из рот, который был в этот день ответственным, молчал и тихо наблюдал, не хотел мне помешать.

– Красавчик. – коротко произнес он и сильно пожал руку.

Утром ко мне подошел Кучумов. Вид у него был плохой. Под глазом красовался большой синяк, одно ухо было перевязано, кроме того, он сильно хромал. Подошел ко мне как положено и спросил:

– Товарищ старший лейтенант, вы докладывать комбату насчет солярки будете?

– Нет.

– Спасибо. А насчет ч...к вы полностью правы. Они друг за друга горой, не то что мы. Знайте, если я увижу, что на вас наехали ч...ны, Кучумов тут же за вас впишется. И вообще с моей стороны больше проблем не будет.

Мы пожали друг другу руки и разошлись.

После развода комбат обратился ко мне и произнес:

– Тимофеев. Зайди ко мне.

Оказалось, комбат был уже в курсе всех дел. Откуда? Понятно, что это не ответственный офицер доложил.

Разговор получился коротким, суть которого заключалась в том, чтобы я не слишком увлекался «мордобоем».

С этих пор у меня не было никаких проблем с личным составом.

На майские праздники приехала Ольга. Мы ездили в Нижний Новгород и другие, небольшие города области. Расстались с ней обговорив все наши планы на отпуск.

Командир полка свое слово сдержал и первого июля я уехал в отпуск на два, с лишним месяца.

Ольга прилетела ко мне, в Дзержинск и мы вместе, на машине, поехали в Витязево, почти на месяц. Туда же приехали мои родители. Потом, на машине, через Украину, Белоруссию, Литву поехали в Калининград. Из Калининграда мы с Ольгой по сложившейся традиции поехали по уже не нашей Прибалтике. Потом из Калининграда, уже один, поехал в Дзержинск. Каких-то серьезных трудностей на границах мы еще не испытывали, но на Украине и в Литве уже почувствовалось, что трудности вот-вот наступят. Особенно в Литве.

Осенью после увольнения личного состава, пополнение не пришло. Как и обещали. Впрочем, к этому я был готов. С техникой был полный порядок. Этому вопросу я старался уделять основное внимание.

Кучумов уволился и в батальоне не осталось ни одного водителя. Иногда приходилось садиться за руль УРАЛа офицерам, включая меня. Дослужились! Какая честь быть водителем грузовика!

В целом ситуация в полку продолжала деградировать. Из трех танковых батальонов людей хватало максимум на два, в них и свели всех солдат-танкистов. Солдат своей роты я практически не видел, максимум три человека получалось «вырвать» для работы на технике, а так они все время пропадали в различных рабочих командах и командировках. Боевая подготовка полностью отсутствовала, даже расписания не писали. Рабочий день был почти нормированным, с обязательным выходным. Изредка заступал помощником дежурного по полку.

На Новый год приехала Ольга.

Я понимал, что Ольга очень хочет замуж, но говорить мне об этом не осмеливалась. Знала мое мнение.

Весной в полку сократили штаты. Теперь даже по штату в роте должно быть тридцать человек, остальной личный состав должен был поступать из Автозаводского районного военкомата г. Нижний Новгород, в случае войны. На деле в роте было два солдата, оба механики-водители, а в батальоне восемь солдат. Деградация полная.

Летом 1993 года меня опять отпустили в отпуск летом, и мы с Ольгой повторили свое путешествие сначала на юг, потом в Калининград и далее по побережью Балтики.



Неожиданно для меня Ольга призналась, что у нее появился парень, ходит в моря и предлагает ей выйти замуж. Я спросил, что она решила, а она ответила, что поскольку от меня предложений нет, то и у нее выхода другого тоже нет. Сказала, что пообещала парню дать ответ после его прихода из рейса. Больше к этой теме мы не возвращались. Мне было жаль терять Ольгу, мои мысли постоянно возвращались к этому вопросу. Однако, жениться я не хотел категорически.

В этой поездке стало известно, что с осени посетить наши Прибалтийские страны можно будет только по заграничному паспорту и по визе. А у нас, у офицеров, не было не то что заграничного паспорта и, но простого не было. До меня дошло что, возможно, я в последний раз в жизни вижу Ниду, Клайпеду, Палангу, Юрмалу, Ригу, Пярну, Таллин и другие города. Стало как-то нестерпимо больно и обидно. Но Литва, Латвия и Эстония очень хотели от нас отгородиться. Тяжело было на душе. К этим мыслям я возвращался постоянно. Не хотелось признавать, что местное население совсем не хочет жить с нами, да еще без границ. Возмущало и то что мы не собираемся вводить визовый режим с Азербайджаном, Арменией, Грузией и всей Средней Азией. Вот если бы наоборот, со всеми южными странами визовый режим, а с Прибалтикой безвизовый режим!

Тогда я не понимал, как теперь можно будет попасть на машине из Москвы в Калининград. Получается, чтобы проехать в Калининград на машине или на поезде, нужна виза? Не может быть. Наши начальники не должны это допустить. Но ощущения были тревожные. Это была моя последняя свободная поездка в Прибалтику и о новых правителях России я думал слишком хорошо, все потом оказалось гораздо хуже.

Опять я вернулся, к тем еще детским и юношеским размышлениям о том, что такое Родина. Покидая Прибалтийские страны у меня возникло очень острое чувство что, я покидаю свою Родину, которая теперь мне и не Родина. Горько и тяжело было на душе.

Осенью в батальоне не осталось ни одного солдата. Боевая подготовка шла только в первом и втором танковых батальонах, да и то, второй танковый батальон был не полного состава, а третий танковый батальон имел лишь механиков-водителей.

Впрочем, я, как и остальные офицеры-пехотинцы со временем вошли во вкус новых условий службы. Размеренная и почти гражданская жизнь начала нравиться. Ностальгии по боевой подготовке было все меньше. Я занялся подготовкой к академии и личной физподготовкой. Квартира у меня была оплачена до конца года, но надо было еще оплачивать коммунальные расходы, а деньги в полку прекратили платить вообще. Вместе с тем, не смотря на крайне экономный подход к расходованию денег, к ноябрю месяцу они закончились, полностью. Чему удивляться? Я все-таки позволял себе с Ольгой расходы в отпусках. Грузинский запас полностью иссяк.

Все время я ходил и думал где достать деньги. На выплату денежного довольствия я не рассчитывал потому что начфин полка насчет его выплаты давал мрачные прогнозы. Украсть я тоже ничего не могу. Нет боевой подготовки, нет топлива.

Очередная неприятность пришла откуда я ее ждал. Позвонил Ольге и узнал, когда у нее свадьба. Впрочем, это громко сказано, просто распишутся. Нормально поговорили без слез и истерик.

– Оля, дорогая моя. От всей души желаю тебе счастья. Поверь мне. От всей души. Если бы я мог жениться на тебе я бы это сделал. Не могу.

– А почему не можешь, Юра?

– А ты поедешь со мной служить в Дзержинск?

– Нет.

– Вот видишь, ты даже в Дзержинск не поедешь из Калининграда, а это не последний мой гарнизон и возможно самый комфортный и лучший.

– Юра, увольняйся! Я прошу тебя: уволься и приезжай в Калининград. Здесь у нас связи, мой отец тебя в свою фирму, в конце концов возьмет, построим дом на берегу моря и будем спокойно жить.

– Нет, Оля. Нет. Я женат на Русской армии. – эти слова я произнес неожиданно для себя, впервые в жизни. Раньше я их не слышал ни от кого. Поразился точности сказанных мною слов и глубокому смыслу.

Надо запомнить эту мою фразу. Получается это мой девиз. Надо же было мне влюбиться в эту дуру: Российская армия. Некрасивая, бедная, неухоженная, бездушная и очень дурная, прямо совсем дура-дура. А ведь я в нее влюбился. Точно говорят: любовь зла....

Грустно. Очень тяжело на душе. Я простился с очень хорошим и надежным человеком. На автомате пришел домой. Опять вспомнил Лену. Похоже я ее любил и люблю, скорее не саму Лену, а ее образ. Перебрал в памяти всех своих женщин. Всех вспомнил с благодарностью и добротой. Я опять один. Все-таки не приятная вещь, одиночество. А как там Игорь? Ничего не знаем друг о друге, потому что чёрствые мы с ним душой и эгоисты. В полку так ни с кем и не подружился, не хочется душу свою открывать. Со всеми нормальные отношения, но дружбы нет.

Достал бутылку вина, открыл и под эти мысли напился в одиночестве. Легче не стало, но смог спокойно уснуть.

Однажды утром я позавтракал только слабо заваренным чаем, без сахара. В этот же день не было чем пообедать. Пойти в солдатскую столовую и поесть, я конечно мог, но мои принципы не позволяли это сделать. Обжираться солдат считалось у нас «заподло», очень низким поступком. Другое дело официально встать на довольствие, но делать это я очень не хотел. Оставался один выход, получать продукты, положенные по продовольственному пайку на складе.

С этим вопросом я подошел к начпроду полка и на удивление быстро решил этот вопрос.

Вечером разгрузив продукты из машины в квартиру, я устроил маленький пир с первым и вторым блюдом.

Но вопрос денег продолжал меня мучить.

Я сидел за столом на кухне, пил чай, смотрел в окно и слушал новости по включенному в комнате телевизору. На улице шел мелкий, морозящий бесконечный дождь. Во дворе одиноко горел единственный фонарь, который освещал лишь часть двора, да и то плохо, так как этот дворик внутри сталинских домов, был очень зеленым, с деревьями и кустарником.

В это время во двор въехала иномарка, остановилась возле одного из подъездов, из нее вышли двое и с двумя сумками вошли в подъезд.

По позвоночнику пробежал холодок. Кровь хлынула в голову.

Я наблюдаю эту картину не первый раз. Похоже в одно и то же время эта машина приезжает сюда, и эти два парня с сумкой идут в подъезд. В этом подъезде жил какой-то кавказец, он на рынке делами заправляет я видел его неоднократно, когда он ближе к обеду выезжает на приехавшей за ним машине, а вечером возвращается. Потом к нему приезжают вот эти гости или подельники.

Черт! Да похоже в сумке деньги! Не может быть. Если бы были деньги они бы их хорошо охраняли, да и сумки были не маленькие. С другой стороны, а чего им здесь бояться? Они здесь хозяева жизни. За день через рынок мало денег разве проходит, плюс сами там, наверняка чем-то торгуют.

Я быстро оделся в спортивный костюм, кроссовки, надел кожаную куртку с капюшоном и вышел во двор. Обошел его по периметру, внимательно осмотрел и остановился в пышных кустах, рядом с подъездом, в котором жили кавказцы. Хоть на кустах листьев уже не было, они все равно надежно меня закрывали. Водитель сидевший в машине меня не видел. Через

некоторое время два парня вышли из подъезда, сели в машину и уехали. По обрывкам их речи я понял, что это азербайджанцы. Меня не заметили.

Вход в подъезд свободный. Поднялся на самый верхний этаж. Лестница на чердак, там люк с замком, самым обычным.

Квартиру я вычислил. Это была одна из двух квартир с железной дверью, но дверь была очень мощной и красивой.

На двери в подвал висит замок, по пыли на замке я понял, что в подвал никто давно не ходил.

Если у них в сумке деньги, то значит они привозят сюда выручку за день. Но куда потом эти деньги деваются? Где их хранят?

В следующие дни я нашел ответ на эти вопросы.

С самого утра в подъезд кавказца приезжают разные люди, много и кавказцы, и русские. Находятся там не долго и через некоторое время уезжают. Выходит, он эти деньги раздает на разные дела? Наверняка не все, потому что, когда он выезжает, за ним поднимается водитель и несет такую же сумку.

Получается, что деньги надо брать, когда их привозят и лучше делать это вечером в воскресенье, когда выручка на рынке самая большая.

В полку я договорился с начмедом и он мне дал справку о болезни на три дня.

Все дни я посвятил тому что следил за объектом и подготовке к преступлению. Мне казалось, что я продумал все до мелочей.

Машины запарковал в одном из соседних дворов. Проверил и подготовил оружие. Купил себе черную шерстяную шапку с прорезью для глаз, четыре куса веревки, клейкую ленту, нож, фонарик, туристический рюкзак, большую сумку (рассчитывал на большую выручку), две пары темных перчаток для рабочих, два замка, кусок проволоки, ломик.

Вечером в воскресенье я зашел в подъезд. Сломал замок, висевший на двери в подвал и положил его у лестницы, за косяком, дверь прикрыл. Включил фонарик спустился по лестнице. Вторая дверь, но уже без замка. Вошел в подвал. Осмотрелся. Надежные стены сталинских домов не пропускали сюда никакие звуки.

Вернулся. Навесил на дверь подвала новый замок и закрыл его на ключ.

Занял позицию в кустах. Фонарь во дворе мне никак не мешал, даже наоборот позволял контролировать другую часть двора, поэтому я решил в лампочку не стрелять.

Сердце билось так что мне было очень жарко, хотя температура воздуха была около нуля градусов. Время приближалось. Двор осветил свет фар. Это были «мои».

Я быстро проскочил в подъезд, открыл замок, сунул его с ключами в боковой карман. Все сделал, как и продумал заранее. Вошел в подвал и закрыл дверь.левой рукой держал дверь, в правой пистолет.

Как только оба моих подопечных оказались в подъезде и пружина захлопнула за ними дверь подъезда, я распахнул дверь подвала и не очень громко произнес:

– Упали оба на пол, стрелять буду!

Изумленные лица кавказцев застыли в недоумении.

– Упали быстро, нах..., считаю до двух!

Взгляд кавказцев сосредоточился на моем пистолете, на лицах появился страх.

– Раз! – произнес я.

Парни упали на пол.

– Эй, слышь, брат! Не убивай. Мы ничего тебе не сделаем, бери деньги и уходи. – произнёс один из них.

– Не убивай! Произнес второй. – с мольбой в голосе.

– Ты! – тыкнул я стволом в голову первому. – Снял куртку и бегом в подвал.

Парень встал, скинул куртку и спустился по лестнице.

– Тоже самое! – приказал я второму.

Оба кавказца стояли у входа в подвал в конце лестницы у второй двери.

Мне казалось, что время потрачено очень много, казалось, что вот-вот кто-то появится, поэтому от части плана где я намеревался дать им сначала одному веревку и заставить его связать напарника, а потом связать другого, я отказался. К тому же я опасался, что во время, когда я буду связывать второго, он попытается вырваться.

– Быстро в подвал и отошли от двери на десять метров! Убью нах...!

Кавказцы выполнили и этот приказ.

– Не убивай, не убивай только.

– Обещайте, что я вас больше никогда в России не увижу. Обещайте, что уедете к себе на Родину.

– Обещаю, брат, обещаем!

– Обещаем! – повторил второй.

Я захлопнул дверь и прикрутил петли замка проволокой.

Поднялся. Содержимое курток быстро вывернул в сумку. Куртки бросил на лестницу в подвал. Обратил внимание только на то что среди добычи еще два пистолета, теперь уже ТТ.

Приоткрыл две большие клетчатые сумки, они были с деньгами. Рюкзак и моя сумка мне не нужны, не влезут. Пришлось запихивать рюкзак и черную сумку в сумки с деньгами. Время! Мне казалось, что я очень долго вожусь.

Вышел из подъезда с наставленным на водителя машины пистолетом, в два счета оказался у водительской двери и показал рукой чтобы водитель опустил стекло. Он это сделал.

– Вышел из машины. Бегом! Считаю до двух!

Водитель вышел, я толкнул ему пистолетом в спину, и он пошел в направлении подъезда.

– Снял куртку, бросил. В подвал, бегом!

– Не убивай!

– Бегом, если жить хочешь!

Водитель скинул куртку и остановился у второй двери подвала.

– Отогни проволоку, положи ее на ступеньку и бегом дальше от двери.

Водитель послушно все сделал.

Я спустился, закрутил петли проволокой надежно. Поднялся. Повесил на дверь подвала замок, закрыл.

Вытряхнул из куртки водителя вещи и засунул их в сумки.

Вышел из подъезда. Закрыл стекло машины и захлопнул дверь.

Взглянул на часы. Прошло четыре минуты с того момента, когда я в подвале последний раз посмотрел на часы, в это время они еще даже не открыли дверь в подъезд.

Схватил сумки и быстро пошел к своей машине, заранее продуманным самым темным и незаметным маршрутом.

Сумки сразу отправил в багажник. Машина завелась, как и положено, без проблем. Сделал небольшой круг. Погони явно не было.

Подъехал к своему подъезду. Осмотрелся. Поднялся к себе открыл дверь. Быстро спустился к машине, выгрузил сумки.

Поехал в полк. Специально перебросился парой фраз с дежурным по КПП и солдатом, дневальным. Машину оставил у модуля, а сам вернулся домой пешком.

Машина кавказцев стояла у подъезда и возле нее крутилось несколько человек. Вскоре начали подъезжать еще машины. Появилась милицмейская машина, которая постояв недолго, уехала.

Я, не включая свет непрерывно вел наблюдение за двором. Уже менее чем через час все утихло, не было и машины на которой приехали парни с деньгами.



Я вспомнил что где-то читал о том, как преступников тянет на место преступления. Мне очень хотелось узнать обнаружили ли кавказцы где находятся их соплеменники.

Пересилил себя, пошел в ванную, включил там свет и начал пересчитывать деньги. Улов был невообразимый. Огромная сумма в долларах, но большая часть (по объему) в рублях. Кроме того, в общей сложности три пистолета ТТ с патронами, одна граната РГД-5, хорошие ножи.

Собрал все личные вещи кавказцев, ножи, РГД и документы в сумку, чтобы потом выбросить все подальше.

Я не ошибся по документам все были азербайджанцы? все с одного района, Зангеланского, ныне оккупированного армянами. Видимо беженцы. Остались без жилья и сбережений и поехали в Россию заниматься тем, чем им в Азербайджане никто и никогда заниматься не позволит. А здесь можно, здесь все можно. По терминологии коренных жителей городов Баку и Гянджа все они «районские», то есть люди второго сорта, дикие.

А какой же я молодец! Ни одного выстрела, все чисто. И такой улов!

Я зажег газ и поставил чайник. Заварил крепкий чай (теперь можно не экономить) и стал медленно его пить, с сахаром.

Страх не было, была уверенность что я не оставил никаких следов.

Уснуть не мог, неотрывно смотрел в окно и составлял план на ближайшие дни.

Необходимо было, сегодня же поехать в Нижний Новгород и обменять все рубли на доллары, в разных концах города, пусть и немного в ущерб себе.

Что дальше? Нести доллары в банк? Нет. Пришла в голову мысль купить квартиру. В Дзержинске мне не нужна. В Нижнем Новгороде? Зачем? Калининград? Тоже не нужна. А может в Москве или Питере? Точно, в Москве! Надо все узнать.

К обеду я успел обменять все рубли на доллары, вернулся домой. Разложил все деньги и упаковал. Взял с собой один из своих пистолетов, «трофейные» ТТ брать не стал.

К этому времени у меня было «левое» удостоверение личности офицера, точнее настоящее, но недействительное. Вышло так что некоторое время назад я не мог найти свое удостоверение, посчитал что его потерял. Доложил. Мне выписали новое и объявили «выговор». Через некоторое время я его нашел и вписал туда один из своих пистолетов. Кроме того, у меня было несколько бланков командировочных удостоверений с печатями, туда я тоже вписал пистолет.

Хорошо покушав и выспавшись, рано утром я на своей машине выехал в Москву.

Сразу, при въезде мне начали попадаться вывески контор по продаже недвижимости. Заехал в одну из них. Увидел, что там заправляет Кавказ. Немедленно покинул контору и поехал дальше. Заехал, еще в несколько. Дело в том, что я не мог сформулировать что мне нужно, не знал какой район нужен и какого качества жилье, а встречавшие меня люди набрасывались на меня очень активно и пытались из своих рук не выпустать.

Наконец я заехал в одну из контор, в которой меня встретила миловидная девушка, немного стеснительная. Разговорились, ее звали Алла, она была примерно моих лет, скорее всего моложе на год или два. Она сразу стала внушать мне доверие, я подумал, что такая хорошенькая и порядочная девушка просто не способна на подлость. Начали разбирать варианты однокомнатных квартир. Алла предложила мне не рассматривать хрущевки и старые панельные дома. Мы стали быстро продвигаться и остановились на двух вариантах, один в районе станции метро Академическая, другой в районе метро Октябрьское поле. Квартиры, со слов Аллы, были в хорошем состоянии и частично с мебелью. В одном случае собственники уезжали на постоянное место жительства в Израиль, в другом в США.

Поехали смотреть. Алла очень обрадовалась, что я на машине, села за стол и начала созваниваться с хозяевами. Договорились посмотреть обе эти квартиры. Подписали договор, по которому я должен заплатить конторе тысячу долларов, в случае покупки жилья через них. При подписании договора Алла узнала, что я офицер (мой единственной документ – это удо-

стоверение личности офицера) и стала ко мне относиться с еще большим доверием. Не зная Москвы и не понимая в тонкостях подбора недвижимости ровно ничего, я решил довериться Алле. По дороге я задал ей вопрос как будет происходить сделка, какие гарантии и самое главное (для меня) когда и как я отдам деньги. Алла мне все разъяснила. Тем не менее, самым опасным для меня оставался вопрос передачи денег. Алла меня успокоила и рассказала, что этой конторой с новомодным и не понятным словом «риэлтерское» агентство владеет ее отец, и Алла после окончания университета, пошла работать к отцу, потому что этот бизнес только начал работать, спрос большой, а нормальную другую работу она найти не может. Я рассказал Алле о себе. А после того как я очередной раз попытался обсудить момент передачи денег Алла как отрезала:

– Да, успокойтесь вы. Все так делают! А потом у моего отца везде все схвачено, вам повезло. Все сделаем быстро и без проблем. Поверьте! Я тоже должна была взять у вас деньги за наши услуги сразу, при подписании договора, но не сделала это, потому что вы внушаете мне доверие. Мне кажется вы порядочный человек.

Эти слова меня окончательно успокоили.

Хозяева квартиры были очень интеллигентные люди, старые знакомые отца Аллы.

Квартира была в очень приличном состоянии, кроме того в ней оставалась вся кухонная мебель, холодильник и в комнате диван, а дверь в квартиру была металлической.

Выяснив у меня, пошептавшись, что квартира мне очень понравилась, Алла принялась торговаться от моего имени с хозяевами, которые в итоге снизили цену на одну тысячу долларов.

Ударили по рукам, и все вместе поехали к нотариусу, я отдал деньги.

На следующий день, после обеда я забрал уже все бумаги у Аллы. Вот это скорость! Я собственник квартиры в Москве! Самому не верилось.

Рассчитался с Алла, доплатив премию пятьсот долларов. Алла сильно обрадовалась. Но я огорошил ее очередной своей просьбой: посмотреть квартиру в районе метро Октябрьское поле.

– Зачем? – удивилась она.

– Я хочу посмотреть и возможно ее купить.

– Ты что банк ограбил или наследство американское получил? – пошутила Алла.

Я не ответил и лишь рассмеялся.

Тем временем Алла принялась мне показывать другие варианты, куда более заманчивые и более дорогие.

Я же решил, что куплю однокомнатную квартиру, хотел оставить денег на жизнь, на отпуск и на всякий случай. Решил не жадничать.

Квартира тоже оказалась в нормальном состоянии. Выяснилось, что в ней давно никто не жил. Берем. Далее все по вчерашней схеме, а на следующий же день я получил документы на вторую квартиру.

Когда рассчитался со всеми вздохнул с облегчением от того что ..... избавился от денег. Оказывается, что все эти дни я был в сильнейшем напряжении.

Подбил остатки денег, получалось что у меня остались еще на половину однокомнатной квартиры. Очень хорошо. Транжирить не буду, буду жить скромно.

Предложил Алле сходить вечером в какой-нибудь ресторан и она тут же согласилась.

– А что ты сейчас будешь делать? – спросила Алла.

– Надо заказать железную дверь в квартиру на Октябрьском поле, а в квартире на Академической поменять замок. Сходить в обе жилконторы, и там решить все вопросы по квитанциям.

– А возьми меня с собой. Клиентов нет. Скучно. А если и появится кто-то, то есть кому встретить.

– Поехали! – обрадовался я.

Алла немедленно принялась мне помогать. Взяла газету, открыла рекламу и начала звонить по объявлениям насчет железной двери. Договорилась. Потом позвонила в ДЭЗы и выяснила все что нужно, для того чтобы квитанции выписывали на меня.

Вечером мы с Аллой подъехали к ее дому, она хотела переодеться перед походом в ресторан. Жила она отдельно от родителей, но меня в квартиру не пригласила. Я остался ждать в машине.

Заехали на одну из автостоянок, я оставил там машину, в ресторан приехали на такси.

Ужин получился веселым и интересным. Поговорили обо всем, выпили много. Проводил Аллу на такси, в квартиру не пригласила, даже целоваться не стали, и я на этом же такси уехал в гостиницу.

Утром, встав и плотно позавтракав я поехал, забрал машину и направился в Дзержинск.

Сначала думал об Алле. Мне хотелось с ней встречаться. Зацепила. Думал над ее предложением сдавать мои квартиры, это может приносить хороший доход, она может мне во всем помочь. Думал о том, что Алла, выпускница Московского института стали и сплавов, закончила его с отличием и пошла торговать недвижимостью. Абсурд. Думал о том, что рядом со зданием бывшего КГБ СССР, а теперь ФСК РФ – огромный стихийный рынок. И вообще вся столица стала рынком, а иногда тбилисским базаром. Вся страна ударилась в торговлю, выживают, везде бандитизм. Но случилось это не вдруг, мы в Карабахе чувствовали приближающийся крах. А что дальше? Похоже будет еще хуже. Видимо мы должны упасть до самого дна, чтобы потом хорошо обо всем подумать и начать подниматься. Не придет никакой Пиночет и не наведет порядок. Наши генералы ничтожны, они не способны ни на что. Почему? Потому что идет не верный отбор людей, система выбирает не лучших из своих командиров, а тех, кто преуспел во встрече многочисленных комиссий и проверок. Кто лучший командир? Тот, кто не допускает преступлений и грубых нарушений воинской дисциплины. А как это достигается? Все скрывают. Тогда откуда будет дисциплина и правопорядок в войсках? А еще тех, у кого в ротах бытовки и ленкомнаты лучше, кто досок и краски достал на ремонт казармы.

И все же мне повезло. Как минимум дважды за последнее время. Повезло что получилось так легко ограбить этих азербайджанцев, которые настолько здесь обнаглели и расслабились что потеряли всякую бдительность. Повезло что наткнулся на Аллу, порядочного и не испорченного человека, у которого еще что-то внутри светится. Сейчас я понимал, что меня могли сто раз «обуть», могли ограбить и даже убить, ведь я совершил массу беспечных действий и ошибок. Повезло.

А может уволиться? Зачем мне все это? Вот Алла, только на мне, за несколько дней заработала три тысячи долларов. Ну, хорошо, отнимем тысячу, ведь я ее отдал по собственной инициативе, добровольно. Но две тысячи – это тоже огромные деньги. Сколько мне надо служить чтобы их заработать? Год! Целый год. Если совсем ничего не тратить, не есть и не пить, то две тысячи долларов я смогу отложить за год. Но и эти деньги не хотят платить. До чего же мы терпеливы и смиренны! Уму не постижимо.

Приехал без приключений. Машину загнал в полк. Зашел к комбату, он меня немедленно отодрал за то, что я «забил на службу». Но, он отходчивый переключился сразу на задачи.

Переговорил с Осиповым, узнал, что он назначен замкомбата в наш батальон, а на его место приехал капитан, несколько месяцев находившийся «за штатом», перевелся из Владикавказа, из выведенной из Германии дивизии. Я поздравил Осипова с присвоением майора, а он поведал мне что комбат и командир полка хотели, чтобы меня назначили на командира роты, но не смогли ничего сделать. Пригласил в субботу на обмывание.

Мне было не приятно, что назначили вместо Осипова не меня. Получается, что за хорошим событием быстро подоспело и неприятное. Ну что поделаешь? Я был уверен, что роту

мне дадут, никуда не денутся, а вот денег срубить могло и не получиться. Так что все хорошо. Продолжаем движение.

Дома приготовил ужин, поел и сидел пристально наблюдал за подъездом где проживает главарь местного рынка. Ни в привычное время, ни позже никого не было. Странно.

Вдруг раздался звонок в дверь. Посмотрел в глазок. Перед дверью стояла моя соседка, одетая по-праздничному и похоже не трезвая. Это была незамужняя женщина с двумя детьми, лет сорока, по имени Света. В принципе мы с ней сталкивались всего-то несколько раз на лестничной площадке. Познакомились, коротко поговорили и все. После этого всего несколько раз здоровались.

– Юрец, открывай, это я твоя соседка, Света.

Я открыл. Передо мной стояла Света, которую было не просто узнать. Стояла она в красном обтягивающем платье, в туфлях на очень высоких каблуках, сильно накрашена и с красивой прической.

– Привет! – удивленно произнес я.

– Привет! Ты что так долго не открываешь? Боишься чего-то?

– Да не привык я. Ко мне женщины не ходят, да еще такие красивые.

– К тебе вообще никто не ходит, живешь тут как сыч, один. У меня сегодня день рождения, заходи, посидим.

– Да, у меня и подарка нет.

– Потом подаришь, а сейчас так просто заходи.

– Ладно, только дай мне пару минут собраться.

– Давай, только быстрее. – произнесла Света и прошла ко мне в коридор. Я посторонился.

– Дай я хоть посмотрю, как ты тут один живешь.

Я пропустил Свету вперед и закрыл дверь

– Открой!

Я не дал ей договорить. Через минут, двадцать, мы со Светой, довольные сидели у нее за столом и отшучивались от ее подружек.

В субботу отметили назначение Осипова и его майорские звездочки.

Все три «трофейных» ТТ я решил спрятать на чердаке нашего дома. Сухо и никто не откопает. ПБ я отнес в канцелярию роты, там я выбил себе большой сейф, в этот сейф поставил купленный мною личный небольшой сейф, куда сложил пистолет и деньги.

Связь со Светой быстро начала меня напрягать. Моя квартира превращалась во вторую квартиру Светы. Я решил все поставить на свои места.

В один из дней я предупредил Свету что сегодня я подарю ей обещанный подарок, и мы у меня это отметим. Купил хороший букет. Вместо подарка решил подарить пятьдесят долларов. Купил подарки детям и большой пакет хорошей еды. Я знал, что Светка живет бедно, ели-ели дотягивает до зарплаты. Пришел все вручил ей. Она при полном параде, накрыла стол у меня на кухне.

– Света, я хочу с тобой поговорить. Обещай, что не обидишься.

– Говори. Я не обидчивая.

– Света. Мы с тобой будем встречаться один раз в неделю, по субботам. У меня. Больше, в другое время мы к друг другу в гости не ходим и кооператив-колхоз не устраиваем. У тебя своя жизнь. У меня своя жизнь. У меня есть девушка и я не хочу никаких разговоров.

– Понятно. Все вы мужики такие. Я думала, что ты другой.

– Нет, я такой. Может быть даже еще хуже.

– Ясно.

– Ты согласна?

– Согласна. – обиженным и разочарованным голосом, глубоко вздохнув, произнесла Света.



– Тогда давай пировать.

После этого разговора все стало на свои места.

Я перестал ходить к начфину и задавать вопросы про деньги. Жизнь в полку протекала в обычном ритме. Первый и второй танковые батальоны, ходили в караулы, наряды, у них была напряженная боевая подготовка, что-то изображала разведрота полка, остальные все подразделения имели вполне нормированный рабочий день, основные задачи решались до обеда, а после обеда все ждали вечернего совещания. Я до обеда обязательно что-то делал в парке, а после обеда занимался, готовился к поступлению в академию. Однажды за этим занятием, в классе штаба полка, где я сидел над литературой, полученной в секретной части, меня застал, случайно, зашедший командир полка.

– Тимофеев! А ты что здесь делаешь?

– Готовлюсь к проверке.

– Что читаешь? – спросил командир полка, подошел к столу и посмотрел литературу. – Уж ни к академии ли ты готовишься?

Я молчал.

– Что молчишь? К академии?

– Так точно.

Командир полка внимательно посмотрел на меня. Похлопал по плечу.

– Садись. Готовься. Правильно делаешь. Первый раз за всю службу вижу командира взвода, который к академии готовится. А ведь для того что бы получить право поступать тебе сначала надо командиром роты стать, хорошо ей откомандовать, а потом стать начальником штаба батальона.

– Знания лишними не бывают. Пригодится. Роту надеюсь дадут и откомандую как надо ротой. А там и начальником штаба стану. А зачем в армию идти, если не о карьере думать? В противном случае надо было дома на печи лежать и каждый день на завод ходить.

– Все правильно, Юра. Все правильно. Не получилось тебя на роту вместо Осипова назначить, но ничего найдем потом что-то.

Командир полка вышел, а не смог дальше сосредоточиться. Пошел и сдал литературу.

В марте месяце мы все офицеры батальона, заняв места командиров БМП, наводчиков-операторов и механиков-водителей изображали мотострелковый взвод, приданный первому танковому батальону на батальонных тактических учениях с боевой стрельбой (большая редкость по тем временам), на Гороховецком полигоне. Мне досталось выполнять обязанность наводчика-оператора. На учения привезли слушателей академий, приехало командование нашей армией, округом и Главнокомандующий Сухопутными войсками со свитой.

Один из генералов приняв меня за солдата-контрактника (я был в танковом комбинезоне, без звездочек) обратился ко мне:

– Ну что сынок как тебя офицеры не обижают? Как служится?

– Служится плохо, товарищ генерал-лейтенант, денег не платят.

– Ничего, деньги – это временно, заплатят. А офицеры обижают?

– Все за меня сами делают. Водить не дают, сами водят. Стрелять не дают, сами стреляют. Даже в караул, часовым скоро не дадут ходить, говорят, что сами ходить будут.

Генерал настолько напрягся что я думал у него будет инфаркт.

– Не понял. – как-то протяженно произнес генерал.

– Разрешите идти?

– Стой бл...ь. Я спрашиваю: тебя офицеры бьют?

– В каком смысле?

– Ты что дурак? Тебя офицеры бьют?

– За что? Я и так ничего не делаю.

– Ты какой-то оху...й солдат или полный дурак.

В это время я почувствовал на себе откуда-то очень тяжелый взгляд. Повернул голову направо и увидел замершее в оцепенении лицо комбата, который в шлемофоне высунулся из люка и замер. В глазах комбата я прочел и страх, и мольбу ко мне, прекратить этот разговор.

Генерал пренебрежительно осмотрел меня в моем грязном комбинезоне и произнес:

– Контрактник называется, хоть бы комбинезон постирал. Иди нах... отсюда, дурак.

От желания ответить ему меня сдержал взгляд комбата. Я удалился.

Комбат меня настиг уже через несколько минут.

– Юра, зачем ты этого дебила зацепил?

– Это он меня.

– Зачем ты нарываешься? Он же тебя сожрет и всем плохо будет?

– Не знаю. Нашло что-то. Денег не платят, а все пытается про офицеров говно выведать.

Чмо.

– В смысле?

– Ну, он мне вопрос задал не бьют ли меня офицеры. Уже во мне офицера не видит, довели. Я ему про деньги пожаловался, он отмахнулся и опять про офицеров спрашивает. Этот дебил даже предположить не может что в экипаже БМП одни офицеры, включая комбата.

– Понятно. Не связывайся больше с этим отходом Советской Армии. Мы еще долго будем высерать это говно, ничего не поделаешь.

– Зато я теперь знаю, как настоящие генералы с солдатом разговаривают, когда рядом командиров нет.

– Как?

– А вы не слышали?

– Слышал и что?

– И дураком назвал и нах послал.

– Раньше, кстати, такого не было. Офицера могли оскорбить, прапора само собой, конечно, а солдата генералы не оскорбляли.

После окончания учений, меня попросил командир полка чтобы я отвез одного полковника, куда он скажет на своей машине. Именно поэтому я по просьбе командира полка и приехал на полигон на ней.

Переодевшись в чистую форму, я находился в стороне и внимательно наблюдал за поведением старших офицеров и генералов. Многие бегали, откровенно подхалимничали, большим начальникам это нравилось потому что они не делали замечаний и не одергивали. Значит сами такие же. Противно было видеть это явное лизоблюдство и лакейство, доведенное в Советской Армии до совершенства и расцветшего в нынешней нашей армии другими оттенками, с которыми я познакомился чуть позже.

Самые большие генералы уехали с командующим армией в Нижний Новгород, но некоторые из них остались и были перенаправлены в специально подготовленную баню.

Тот самый полковник подошел ко мне и спросил:

– Где у вас тут девчонок покупают знаешь?

– Не понял.

– Что не понял? Спрашиваю где проститутки стоят? Не знаешь, что ли? Говорят, в Нижнем. Нужно привести трех девок. Задачу понял?

Я от неожиданности онемел.

В этот момент подбежал прапорщик из нашего полка, начальник склада ГСМ. Попросил полковника обратиться, тот разрешил.

– Виноват, товарищ полковник. Товарищ старший лейтенант еще не в курсе дела. Сейчас все сделаем и все решим.

– Давайте, только быстрее.

Прапорщик мне объяснил, что сейчас надо поехать в Нижний, выбрать там трех девушек и привезти их сюда. Утром отвезти обратно. Деньги у него есть. Для выполнения именно этой задачи меня просил приехать на личной машине командир полка.

Действительно в одном из дворов в центре Нижнего Новгорода находилось примерно двадцать девушек, которые по команде старшей построились, и мы с прапорщиком выбрали троих на свой вкус, расплатились и привезли на полигон. По дороге девушки шутили, и много курили, а мне их было жалко. Утром девушки ехали молча, дремали.

После выполнения этой задачи мне стало противно. Больше я никогда не позволю себя так использовать, говорил я себе. Ради этого я учился, рисковал жизнью? Зачем мне эта грязь? Тогда уж лучше уходить на гражданку, женился бы и жил сытной жизнью. Я командир, а не денщик. Я командир и стануь самым собой! Никто не сделает из меня лакея.

Через несколько недель в клубе нас собрал командир дивизии. Таких встреч раньше не было. После краткого вступления довел до нашего сведения что, начиная с этого лета нас всех ждет замена в Забайкалье и на Дальний Восток, в любом случае в течении трех-четырёх лет из сидящих сейчас в клубе офицеров, здесь не останется ни одного. В случае отказа немедленное увольнение.

Я отнесся к этому с пониманием. Все правильно, так и должно быть. Послужил в хорошем месте, уступи другому. В Забайкалье и на Дальнем Востоке жизнь сложная.

Офицеры пожаловались на невыплату денежного довольствия. Комдив был резок: с деньгами будет еще хуже, кому не нравится увольняйтесь, он устал слушать эту пластинку, квартир у него тоже нет и не будет. Точка.

– Еще вопросы?

Повисла тишина. Мне стало обидно за семейных офицеров. Что они дома должны сказать своим женам? Детям что сказать? Внутри все закипело.

– Разрешите?

– Разрешаю.

Я представился и спросил:

– Товарищ генерал-майор, а насчет боевой готовности и боевой подготовки вопросы разрешите задавать?

Генерал удивленно и пристально посмотрел на меня своим острым взглядом и спустя несколько секунд ответил:

– Разрешаю.

– У нас в полку нет ни одного боеготового мотострелкового отделения. Это положение дел будет меняться? Если да, то в какие сроки?

– Не у вас в полку, товарищ старший лейтенант, нет ни одного мотострелкового отделения боеготового, его во всей дивизии нет и в соседней танковой дивизии в Мулино тоже нет. Более того, я вам скажу, что у вас в полку боеготовым является лишь первый танковый батальон и рота связи, второй батальон условно боеготовый, то есть ему уже требуется доукомплектование. Такая же ситуация и в остальных двух танковых полках дивизии. Мотострелковый полк дивизии не имеет ни одного боеготового батальона, один мотострелковый батальон укомплектован только членами экипажей БМП, то есть голая броня, без пехоты, условно боеготов, как и танковый батальон этого полка. В артиллерийском полку боеготово два дивизиона: один самоходный гаубичный, один реактивный. И только зенитно-ракетный полк полностью боеготов. Из отдельных батальонов дивизии боеготов только отдельный батальон связи. Вот такая ситуация. Лучше не будет. Понятно вам, товарищ старший лейтенант?

– Так точно.

Генерал посмотрел на меня. Обвел взглядом весь зал и решил продолжить.

– Вы правильный вопрос задали, товарищ старший лейтенант. Вот на такие темы я готов разговаривать с вами, товарищи офицеры. Сейчас положение дел в стране такое что руковод-

ством страны, в первую очередь, в абсолютно приоритетном порядке комплектуются ВВ МВД. На Северном Кавказе очень беспокойно и все идет к тому что именно МВД придется там наводить порядок. Считается что угроза нападения на Россию извне, ничтожно мала и пока что наши стратегические ядерные силы не позволят никому это сделать. Зато внутри страны активизировались сепаратистские, исламистские силы, их деятельность направлена на развал России. Так же, большая опасность возникновения конфликта в Татарии. Ситуация внутри страны складывается очень опасная, это не просто так ля-ля, я вам говорю, это все очень серьезно. Ну и поскольку применять Вооруженные силы внутри страны антиконституционно, то поэтому все внимание ВВ МВД. С призывом тоже все очень плохо. Военкоматы, офицеры военкоматов не способны обеспечить призыв в нормальном объеме. Опять же, здесь нужно привлекать к призыву МВД, милицию, а они открещиваются от этого, говорят это не наша функция и все тут. Вот я вам сейчас рассказал все причины, рассказал, что и как происходит, прямо по-солдатски. Для того чтобы вы все это понимали. Поэтому министр обороны и говорит, что сейчас, главное, сохранить людей, профессионалов, то есть офицеров и прапорщиков. Считается что через несколько лет все успокоится. Вместе с тем, неминуемо, появятся новые военные угрозы, или старые активизируются и опять понадобится Армия, а не ВВ МВД. Запомнимте мои слова, никто не оставит Россию в покое, если мы расслабимся раздробят, расчленят, заберут все природные ресурсы, а мы здесь с вами будем нищенствовать и ждать милостыню от Запада. Все эти трудности временные, но длительные, как минимум на несколько лет. Я понимаю вас хорошо. Я знаю, что вам нечем кормить семьи, но надо продержаться. Кто это переживет, тот дослужит потом нормально, в нормальной Армии. А сейчас ничего обещать вам не могу и буду. Знаю, что подготовлена военная реформа, которая предусматривает переход Сухопутных войск на бригадно-корпусную систему, будет сформирован профессиональный сержантский состав. В связи с этим предполагается упразднение прапорщиков, этот институт не оправдал себя. Предстоит большое сокращение частей, частей сокращенного состава больше не будет Многие части и подразделения предполагается перевести полностью на контрактную систему комплектования, отказа от призыва при этом не будет. На флоте предполагается весь плав состав сделать по контракту. Некоторые мероприятия военной реформы начнутся уже в 1994 году, а полностью ее начнут запускать в 1995 году. Если ничего не помешает. После этой реформы денежное довольствие военнослужащих сильно повысят.

В июне меня неожиданно вызвали в штаб полка и приехавший начальник отдела кадров дивизии спросил:

– Тимофеев, командиром мотострелковой роты в мотострелковый полк танковой дивизии, в Мулино, пойдешь?

Я немного задумался и спокойно ответил:

– Пойду.

– Правильное решение. Здесь тебе ждать нечего.

Через несколько дней основательно «проставившись» я убыл к следующему месту службы.

Глава 2.

Полк только-только вывели из Германии. В числе самых последних.

Представился командиру полка, его самого недавно назначили на этот полк. Принял меня командир полка очень хорошо, впрочем, я знал от своего, теперь уже бывшего командира полка, что он дал мне отличные характеристики, когда мой нынешний командир спросил его обо мне. Оказалось, что мой новый командир полка тоже закончил Омское ВОКУ. Побеседовал со мной не спеша, обстоятельно, все подробно расспросил, особенно что касалось службы в ЗакВО. Сразу стало понятно, что этот опытный офицер сам когда-то командовавший ротой, хорошо помнит опыт командования ротой и уважает эту должность.

Представился комбату, который служит в полку еще с Германии. Он обрисовал мне ситуацию, сказал, что зря я согласился на эту должность, так как есть уже решение о том, что с первого января 1995 года полк будет полностью расформирован. Потом поставил задачи.

В роте был я – командир роты и трое солдат, один контрактник и двое срочников. Познакомиться со всеми троими удалось не сразу, срочники были отправлены куда-то на работы и появились только через несколько дней. Все три моих солдата были нормальными людьми, мы сразу обговорили все «повороты», и мы быстро друг друга поняли. Впрочем, своих срочников я почти не видел, они всегда выделялись на работу по строительству и благоустройству полка.

Принял должность. Вся техника роты была в наличии, стояла на открытой стоянке, на только что уложенных плитах, которые по воспоминанию однополчан, прихватили из Германии, но состояние техники было плохим. Четыре машины должны были уйти на капитальный ремонт еще в прошлом году, когда полк был в Германии, теперь об этом и говорить не стоило. Остальные машины тоже требовали большого внимания. Этим я занялся. Все-таки командиров рот, в отличие от других офицеров, не привлекали на хозяйственные работы. Здесь и сейчас можно было запросто увидеть офицеров с лопатами или мастерками в руках.

Полк занимал всего один этаж в казарме и фактическое руководство личным составом осуществляли лично комбаты, а командир полка и начальник штаба тщательно распределяли каждого солдата, которых хватало только для несения службы и еще небольшого объема работ.

Быстро познакомился с офицерами разных подразделений полка. Картина открылась потрясающая. Еще несколько месяцев назад полк был полностью укомплектован и боеготов, но после вывода его в Россию всех солдат-иностранцев (теперь, уже) призванных из других республик уволили и отправили в свою Среднюю Азию, Украину, а наших и так было мало. Много уволилось в мае, закончился срок службы. Многие офицеры, уехав в отпуска не возвращались (оставались на Украине), и никто не знал, что с этим делать. Просто по-свински, всё бросили и наплевали. Меня такой подход украинцев уже не удивлял. А в этом полку многие ещё возмущались и расстраивались из-за такого поведения своих однополчан (уже бывших), сильно переживали. Некоторые вспоминали как совсем ещё недавно эти украинцы были самыми преданными коммунистами, прям настоящими «большевиками» из фильма «Коммунист». А офицеров-украинцев было очень много. Как потом само собой выяснилось, значительно больше чем нас. Что касается прапорщиков – так украинцев было не меньше двух третей.

Даже при сокращенном штате полка, с каждым днем некомплект офицеров становился все больше и больше.

Вскоре пришла новость о том, что сокращается и управление батальона. В батальоне останутся командир, начальник штаба, командиры рот и несколько солдат.

Офицеры с нетерпением ждали причитающиеся им квартиры, которые строились по заказу финских компаний с привлечением турецких подрядчиков, с тем чтобы потом уволиться.

Апокалипсис.

Я сильно задумался насчет увольнения из армии.

Созвонился с Аллой и попросил ее помочь мне сдать квартиры. Перезвонив ей через несколько дней услышал, что она нашла очень порядочных жильцов и просит меня срочно приехать. Я отпросился у комбата на субботу и воскресенье и выехал в Москву ближе к вечеру в пятницу. Переночевал в квартире. Утром встретился с Аллой, а к вечеру мы уже сдали обе моих квартиры. Дело оказалось совсем простым.

Деньги к деньгам! Сдача даже одной квартиры перекрывало мой теоретический офицерский доход, причем боле чем в два раза. О практическом доходе и говорить не стелило, потому что платили только «пайковые», а перспектива получения остальных денег была настолько далекой, что растущий курс доллара делал получение этих денег в светлом будущем полнейшим издевательством.

Я пригласил Аллу отметить это событие в ресторан, она согласилась. Мы договорились что за определенный процент она будет заниматься моими квартирами постоянно, забирать деньги, следить за состоянием, при необходимости выселять и сдавать обратно. Рассчитались.

Каждый день я преодолевал по сорок километров в каждую сторону на службу и со службы. В Мулино жить было негде.

В субботу вечером развлекался со Светкой, в воскресенье отсыпался, читал. Светка мне рассказала, что живший в соседнем доме богатый «черный» съехал и что его, если верить женщинам, оказывается грабанули какие-то омововцы. Я пожелал этим омововцам здоровья и долгих лет жизни, а Света меня сильно поддержала.

В полку иногда ходил начальником караула.

В августе выпросил себе отпуск. Уехал с мыслями об увольнении. Решил окончательное решение принять уже после отпуска. Родители были уже в Витязево

Первым делом поехал в Москву, к Алле.

Встретились, она передала причитающиеся мне деньги. Я опять предложил поехать со мной в отпуск. Алла сказала, что подумает и в конце вечера сообщила что поедет, но жить будет не со мной в отдельном жилье, которое я должен к ее приезду подобрать или в Анапе, или в Витязево. Потом вернется в Москву и поедет ко мне в Калининград, где опять же к ее приезду в Светлогорск я сниму ей жилье или гостиницу. Отдельно отметила, что за жилье будет платить сама, «это принципиально».

Я согласился со всеми условиями. Дал номер телефона и адрес бабушки.

Приехав в Витязево и пообщавшись с родителями и бабушкой, я принялся за поиск жилья. Нашел быстро.

Тем временем, родители, узнав от меня что Оля вышла замуж, начали на меня наседать насчет женитьбы. Мне быстро это надоело, и я прекратил эти разговоры. Ма маму это подействовало плохо она не сдавалась.

Однажды за ужином отец завел разговор о необходимости увольнения из армии «нечего тебе там делать, в такой армии».

В свою очередь, мама, которая сохранила свое место работы и работала теперь уже в администрации города, уверяла что легко может меня устроить на хорошую работу. Отец, поменявший работу из-за того, что на заводе перестали платить и устроившись в строительную фирму, тоже уверял что вполне можно устроиться.

Через несколько дней приехала Алла, я поехал ее встречать в аэропорт Краснодара на все том же Москвиче, пригнанном из Чехословакии.

Кстати сказать, этот самый Москвич находился в очень хорошем состоянии, потому что бабушка продолжала им пользоваться и вкладывала деньги в его ремонт.

Алла категорически отказывалась знакомиться с моими родителями. Мы много ездили, купались, позволяли себе то, что обычные наши граждане, уже давно не могли себе позволить. Наш отдых на Черном море настолько понравился Алле, что она решила больше времени провести со мной на Балтийском море. Получалось что по прилету в Калининград у меня будет только один день на поиск квартиры. Здесь это дело получилось не простым и мне пришлось обратиться в Светлогорский центральный военный санаторий, не представляя что я военный. Номер был представлен мгновенно, без всякого оформления и документов. Его величество деньги правили в России любыми вопросами.

На машинах родителей мы проехали всю область. Путь в Прибалтику был, для таких как я, наглухо закрыт. Не договорилось наше правительство ни о каких поблажках для поездок в Калининградскую область. А что от них можно ждать?

Мы с Аллой много говорили о происходящем, о том, как наши надежды на перемены, радость свержения коммунистов, сменилась полным разочарованием, во главе с пьяным правителем. Это был крах всех наших надежд. Алла мне рассказывала, о том какое страшное дав-

ление испытывает их с отцом бизнес от бандитов и о том, что задумывается уехать жить в США или в Западную Европу.

В Москву мы вернулись вместе, так и не преодолев в общении между нами, все еще большую дистанцию. Тем не менее, Алла неоднократно заводила со мной разговор о том, чтобы я подумал над тем чтобы уволиться из армии.

Оставшись один, в поезде по дороге в Дзержинск я раздумывал насчет увольнения. Все-таки решил потерпеть, еще немного. Решил, что дождусь полного расформирования полка, посмотрю, что предложат, а там приму решение.

В полку ситуация только ухудшилась, прошло очередное сокращение. Все ждали расформирования. Никто на технике не работал. Боевая подготовка, разумеется, отсутствовала полностью.

Одновременно с этим на полигоне постоянно проводились занятия частей ВВ МВД, ОМОН, СОБР. Нас, привлекали к подготовке и организации этих занятий. Доходило до того что мне лично приходилось им сколачивать мишени. Это было уже унижительно, и я готов был открыто отказаться это делать, единственное что останавливало, это уважение к командиру полка и комбату. Они просили «стиснуть зубы». Выплаты денежного довольствия носили эпизодический характер и то не в полном объеме, государство превратилось в огромного должника перед офицерами. Хорошо, что я был обеспечен деньгами и фактически не зависел от выплат. Морально становилась совсем не выносимо. И обида за нашу Армию! Да разве можно было себе раньше представить, чтобы Армию использовали как службу для МВД. Позор!!! Разве вырастишь при таких делах воинов-победителей?! А ведь нас учили и воспитывали во всех военных училищах, как победителей. А тут такое унижение, особенно когда знаешь, что по крайней мере, деньги милиционеры получают вовремя и больше нас (раньше было всё наоборот). Появилась злость и ненависть ко всем этим милиционерам и любому начальству. Так было.

Я частенько привозил продукты Светке, иногда покупал ее детям гостинцы. У нее на работе тоже не платили деньги, и она жила очень тяжело, мне казалось, что она даже недоедает, старается лишний кусок отдать детям.

Наши со Светкой субботние вечера превращались в настоящий праздник. Каждую пятницу или четверг я привозил продукты, а Светка в субботу готовила из них ужин. Мы долго и с удовольствием ужинали у меня на кухне, выпивали. Она, когда дети были сытыми, была очень веселым человеком и простым.

Я думал, что вот такая как Света, точно поехала бы за мной на край земли, безоговорочно. Но у нее было двое детей и она была сильно старше меня.

В конце сентября 1994 года пришел долгожданный приказ о присвоении мне очередного воинского звания «капитан». Присвоили вовремя, но я переходил старшим лейтенантом почти год, еще приказ почему-то шел долго. Не так я себе представлял свою карьеру. Собрал офицеров батальона и кое-кого из управления полка. Отметили бурно. Купил много всевозможной вкусной еды, вкус которой офицеры давно забыли, я радовался, когда видел с каким удовольствием мои сослуживцы балуют себя красной икрой, красной рыбой, сырокопчеными колбасами, дорогими импортными сырами и всякими там лечо, помидорами в собственном соку и прочим. Под конец вечеринки мы пили хороший чай и кофе с шоколадными конфетами, это было не принято, нигде. Предложенное мною нововведение понравилось всем и уже на следующий день меня очень благодарили за угощения. Оставшиеся угощения офицеры с удовольствием забрали домой. Прямо скажем, такого ранее никогда не наблюдалось.

Мне было приятно подкормить и угостить сослуживцев, а с другой стороны было очень обидно за то в каком тяжелейшем материальном положении они оказались.

В конце ноября 1994 года в батальоне собрали почти всех срочников и отправили в 166-ю гвардейскую отдельную мотострелковую бригаду (166-я ОМСБр), дислоцированную в



пригороде города Тверь. Эту бригаду сформировали из выведенной из Польши мотострелковой дивизии, путем сокращения, и почему-то называли это реформированием. Все отнеслись к этому с пониманием, ведь, по слухам этой бригаде предстояло направляться на Северный Кавказ, помогать МВД наводить там порядок. А с нас что возьмешь? Какой с нас толк? Кто нас в бой пошлет? Это просто смешно. Тем более, где-то через месяц должна прийти Директива Генштаба о расформировании полка.

Вместе с тем эта бригада была организационной структурой и штатной численностью мощнее полка. В ее состав входило четыре мотострелковых батальона (а не три как у нас в полку), танковый батальон пятиротного состава, то есть 51 танк (а не 31 танк как в танковом батальоне нашего полка), два артиллерийских дивизиона САУ «Мста» (у нас один дивизион САУ «Акация») и еще много других очень важных и существенных отличий. Безусловно, 166-я ОМСБр более подходила по характеру возможного локального конфликта для участия в нем. Все логично. Это окончательно нас убедило в полной ненужности и бесперспективности нашего полка.

Наконец, офицеры полка начали получать квартиры и раздумывали что делать дальше. Служить или увольняться? Вот такой стоял вопрос. Если служить, то скорее всего придется ехать в Забайкалье, где бытовые условия в военных городках, превратились в пытку. Семьи туда не возьмешь. Что делать в этом случае? Каждый день я узнавал, что очередные офицеры написали рапорт на увольнение. Мне было проще, без семьи я был готов ехать куда угодно, не хотелось только служить в таком умирающем на глазах полку.

Для себя так и решил, что дожусь сокращения, поеду к новому месту службы, а там приму решение о том увольняться или нет.

Первые боевые новости из Чечни пришли 27 ноября 1994 года и связаны они были со штурмом Грозного чеченской оппозицией 26 ноября 1994 года.

По телевизору показывали взятых в плен в Чечне танкистов, от которых отказывалось министерство обороны. Это был штурм Грозного оппозицией, которую поддерживали танкисты. Но откуда танки? Кто выделил танки? А как туда попали военнослужащие? Как такое может быть? По мнению моему и моих сослуживцев такое могло быть только под руководством КГБ или как его сейчас называли ФСК. Ощущения что в стране полный бардак и что у власти находятся беспросветные вечные троечники меня не покидало. А что ждать от этого ФСК? Это же и есть то самое КГБ, которое допустило развал государства, допустило что КГБ возглавил некий Бакатин (похоже конченый мерзавец), а сейчас возглавляет какой-то очень словоохотливый по фамилии Степашин. С этих пор при упоминании фамилии Степашин, меня посещала невероятная злость, я просто невзлюбил этого государственного деятеля, не специалиста ни в чем.

Грачев тоже не вызвал никаких симпатий, но все-же ни у кого не было сомнений что если бы этот штурм Грозного планировал Генштаб и руководил им кто-то из армейских генералов, то результат был бы другой. Генерал Грачев участвовал в войне в Афганистане и прекрасно себя там проявил. Что есть, то есть. В любом случае у Грачева достаточно интеллекта и военных знаний чтобы спланировать и провести все по-другому. Даже убогая бакинская операция (хотя строго, говоря по военной терминологии это мероприятие словом «операция» и называть-то нельзя) была спланирована совсем по-другому, там расчет был с запасом и подход совсем другой. Нет это не почерк армейских, тут и говорить нечего. Тут могли все так сделать только «спецы», это они всегда так думают, что достаточно убрать руководителя (как Амина в Афганистане) и все наладится. Не наладилось в Афганистане, не наладится и в Чечне. Не учатся ничему. Незнайки. Или расчет был другой? Может хотели напугать? Думали, что чеченцы увидят танки, испугаются и разбегутся? Чеченцы разбегутся? Ну это совсем надо не знать и не понимать этих самых чеченцев. Кто в армии с ними сталкивался, тот никогда так не подумает. Во всяком случае, все офицеры полка именно так и считали. А если в этом ФСК

так плохо знают особенности народов России, то это очень плохо. Все-таки как не крути, но эта служба должна быть и сильной, и умной. Иначе жди беды.

Несмотря на то что ситуация на Северном Кавказе взорвалась, мы у себя в полку, ее никак не ощущали. Ежедневно, после короткого совещания я спокойно уезжал домой. В воскресенье выезжал в Нижний Новгород где любил пройтись по старому городу, хотя он производил очень грустное впечатление, ведь большая часть старых зданий находилось в аварийном состоянии. Иногда компанию мне составляла Светка.

В один из дней в середине декабря, меня вызвали в штаб дивизии и сказали, чтобы я был в готовности убыть в командировку в Тверь, на доукомплектование бригады, как сказал кадровик: «там офицеры разбегаются». Я уже не удивлялся.

– Готов? – спросил меня кадровик.

– К чему, конкретно? – решил огрызнуться я.

– Я же тебе сказал, убыть на доукомплектование 166-й бригады, они убывают в Чечню.

– Это смотря на какую должность.

– Командиром мотострелковой роты. Готов?

– Командиром мотострелковой роты готов.

– Ну и отлично! А кем не готов?

– Ну вот если на ЗНШ (заместитель начальника штаба) батальона, то не готов, например.

– Ну ты даешь! Молодец, это правильно. Хорошо. Ждем. Если что, то сколько тебе времени реально надо на сборы? Ты же холостяк у нас?

– Да, не женат. Желательно сутки. Я в Дзержинске квартиру снимаю, надо будет с ней все уладить, с хозяйкой тоже, машину куда-то пристроить, с девушкой желательно проститься.

– Нормально, сутки у тебя в любом случае будут, обещаю. А зачем тебе квартиру снимать, что тебе место нигде не нашли? Места в общежитии уже освободились, квартиры начали давать.

– Я сам не хочу. Я печень берегу.

Кадровик расхохотался и отпустил меня.

21 декабря 1994 года полк получил директиву Генштаба о приведении полка в боевую готовность «Полная».

Формально по директиве мы должны были доукомплектоваться до штатов военного времени, провести боевое слаживание. Команды убыть в Чечню не было. Но у всех офицеров была уверенность, что далее последует команда убыть в Чечню.

Директива вызывала такое удивление и не понимание что мы решили, что через некоторое время непременно поступит команда «отставить». Какой полк? Они там воображают, что из себя представляет этот полк?

Впрочем, комбат начал пресекать эти разговоры.

– Не поступит команда «отставить», не надейтесь. Начинаем работать как положено и вопросы мне не задавайте. У меня самого не менее ста вопросов, конкретных. Но задавать их некому. Командир полка сам мне все доведет, когда у него ясность будет.

– Делать будем и сделаем все что можно, тут сомнений нет. Но мне кажется, что они где-то ошиблись. Сейчас им штаб округа доложит в каком состоянии полк и там, в Генштабе, дойдет что и к чему.

– Кто доложит? Кому доложит? Ты этих дебилов видел? Ты веришь, что кто-то из них осмелится что-то доложить? Все вскочат и ответят «есть»! Они за свои жопы беспокоятся. Только! Юра, не надейся, с этим генералитетом ничего хорошего не будет. Они думать не при- выкли, они никогда и нигде инициативу не проявляли, только «есть» и «так точно» и задницу начальнику лизать.

– Не понятно почему именно наш, кадрированный полк. – задумчивым голосом произнес начальник штаба батальона.

– Потому что нет сейчас ни одного развернутого мотострелкового полка, во всех Вооруженных силах, за исключением нескольких полков в Таманской и Кантемировской дивизии, но их никто никуда от Москвы не отправит. Объяснять почему? – продолжил объяснять комбат.

– Понятно. – сказали мы дружно.

Все согласились, потому что знали, что в нашей системе умному и образованному офицеру больших должностей не видать. А те, новые генералы, которые выскочили на волне прихода к власти Ельцина, воспринимались нами как выскочки, которые часто работали «на прессу» и «на публику».

В это время неожиданно, из-за угла к нам подошел командир полка с каким-то полковником, командир жестом показал комбату команду ему не подавать. Мы поняли, что часть нашего разговора он слышал.

– Почему нас? Потому что находимся мы прямо на полигоне. Если все полки в таком или примерно таком же состоянии как мы, то из кого выбирать? Какая разница? Если всех надо долго и нудно приводить к бою. Но мы уже на полигоне, здесь легче организовать развертывание и боевое слёживание, к тому же офицеры начали получать уже жилье. – спокойно объяснил командир полка.

– Довели армию до такого состояния, а сейчас она неожиданно им понадобилась. – произнес комбат.

– Давай без этой сраной политики. Начинайте и не ждите команды «отставить».

На следующий день поступила команда всех офицеров собраться в клубе дивизии на беседу. Присутствовало командование дивизии, прибыл и сам командующий 22-й общевойсковой армией (штаб которой располагался в нижегородском Кремле).

Командующий начал лично опрашивать офицеров о готовности убыть с полком в Чечню. Многие начали выдвигать условия: деньги, квартиры, жены, дети больные и прочее. Впрочем, многие вопросы обещали решить. С одной стороны, мне это совсем не нравилось. Что это такое? Приказ есть приказ! Но, с другой стороны, люди должны быть всем обеспечены, как положено, тогда и приказывать можно. Офицер уезжающий на войну должен быть спокоен, что у его семьи будет жилье (это по меньшей мере) и он должен быть спокоен что семья, если его убьют не пропадет. Так что все правильно, все-таки.

Дошла очередь и до меня. Командующий меня поднял, я представился.

– Так, у вас что товарищ капитан?

– Готов убыть. У меня вопросы по комплектованию личным составом, подготовке роты, по технике и вооружению.

– Правильные вопросы. Молодец. А с деньгами как? – улыбаясь спросил меня командующий.

– Денег нет, товарищ генерал-лейтенант. – шутливо ответил я.

Все, включая командующего, немного рассмеялись. Обстановка разрядилась.

Беседа продолжилась. Офицерам и прапорщикам предложили все проблемы излагать в письменном виде.

В целом получилось так что все офицеры ехать согласились, но потом выяснилось, что некоторые не поедут. Таких решено увольнять.

Начали прибывать на укомплектование полка по штату военного времени офицеры и прапорщики из разных частей.

Очередная проблема пришла откуда не ждали. Кто-то принял решение скомплектовать полк из солдат, освобожденных из дисциплинарного батальона, который дислоцировался не далеко от нашего городка. В общей сложности привезли в полк человек сто, для начала. Мы все понимали, что это очень плохое решение, но то что оно окажется настолько фатальным никто еще не понимал.

Двенадцать человек попало и ко мне в роту. Как только я их увидел, то сразу понял, что прежде чем я попаду на войну, мне предстоит война с этим личным составом и я в этой войне слабая сторона.

Я повел их в расположение. Сразу стало ясно что выполнять мои требования и как-то подчиняться они не будут, но в казарму пойти за мной они согласились, демонстративно показали, что делают мне большое одолжение.

По дороге один из них произнес:

– Слышь, капитан, давай нас сначала жрать, короче, куда-то отведи.

Я ждал чего-то такого и все это время думал, как в этой ситуации поступить.

– Стой! – скомандовал я, и остановился так чтобы они вынуждены были выполнить мою команду.

– Ты че капитан? Че надо?

– Мне не нравится, когда солдаты обращаются ко мне на «ты». Я сам чту и уважаю воинский закон и буду требовать это от вас.

– Мы плевать хотели на все ваши военные законы и на Устав, а тебя я лично буду называть на «ты», понял? – произнес самый здоровый из них.

Применять по отношению к ним силу у меня даже мыслей не было. Эти урки избыют меня не задумываясь.

– Я это понимаю. Поэтому служить нам вместе у нас не получится.

– Это у тебя не получится, а у нас получится. – громко заржали они все вместе.

– Вы, не быкуйте. Послушайте что я вам скажу. Успеете еще свою крутизну показать.

Солдаты замолчали.

– Ну вот будете вы мне во всем мешать, я вынужден буду, если смогу, все это терпеть. Допустим. Приехали мы на войну. Что дальше? Воевать будете?

– На хер нам это надо. Сам воюй.

– А так может не получится. Не получится «сам воюй». Потому что там война. Там чеченцы и придётся нам или вместе воевать чтобы выжить или вам на сторону чеченов уходить. Вот такой выбор.

– А мы туда и не поедem.

– Понимаю. И я вас заставить это сделать не могу и не хочу. Мне ведь тоже не нужны такие солдаты. Честно говорю. Верите?

– Верим. Что какие предложения? Как решать будем.

– Вам лучше всего смыться прямо сейчас. Ничего вам не будет. Сейчас тысячами сбегают и никого не сажают. Тем более вы не насовсем сбегайте, а в другую воинскую часть. Поезжайте в Москву, обратитесь там в комендатуру и заявите, что вы не дезертиры, а просто отказываетесь ехать на войну со своим народом. Вас даже, пока такой бардак, искать никто не будет. И я, в свою очередь, дам вам фору. Доложу, что вы сбежали, часа через два или три, а может только вечером. Тем, кто решит бежать прямо сейчас дам фору. Кто решит позже, не дам и сделаю все что бы вас ловили.

Бойцы скупились и отошли немного в сторону.

Четверо из них отделились и один из них произнес:

– Ну все, капитан, давай, мы пошли. С тебя обещанных три часа.

– Я слово сдержу.

Бойцы отделились и быстрым шагом удалились.

– А вы что?

– А мы посмотрим. – ответили остальные.

Привел в казарму, разместил, начал записывать в штатно-должностную книгу роты, попутно побеседовал. Из оставшихся уже никто не смел мне тыкать и откровенно борзеть. Вроде бы пришли к соглашению что служить будут. Проверим.

После обеда взял весь свой личный состав работать на технику, которую предстояло, для начала, очистить от снега. Больше всего меня беспокоило состояние техники. Мой новый личный состав сначала все делал неохотно, некоторые вообще просто стояли рядом.

Все машины я проверял сам, лично. Завел, уже хорошо. Потом проверил основные системы. Если все в порядке, продолжаю. Залезаю в башню проверяю стабилизатор, электро-спуск. Если все работает перегоняю машину в парк. Там ставлю на стоянку исправной техники. С первой машиной разобрался сам. Начал проверять вторую машину и ко мне соизволили присоединиться некоторые мои подчиненные. Двое из них были механиками-водителями БМП, один был командиром БМП, остальные ничего о БМП не знали. Механиков озадачил по делу, остальным сказал расчистить машины. Неисправные машины оставлял, потом ее надо было перегнать на другую стоянку, но в этом мне обещал помочь комбат с замом по вооружению, обещали прислать прапорщика, техника соседней роты (единственного в батальоне) с контрактником механиком-водителем (который сохранился каким-то чудом еще из Германии, был там срочником).

Из всей техники роты я отобрал только четыре машины. Остальные машины должны были прийти из других частей 22-й ОА (общевойсковая армия).

Так потихоньку, но мы начали вместе работать. В принципе, механики-водители, оказались с опытом, и кое-что помнили, не забыли за время нахождения в дисбате. Но мне хотелось все лично проверить, я уже пару месяцев как не занимался техникой роты.

Вечером ко мне подошел один из моих солдат и обратился ко мне:

– Товарищ капитан, я не хочу вас обманывать, но мы сегодня немного бухнем.

Я сначала удивился.

– Я против.

– Надо.

– Что надо?

– Вы знаете сколько мы не пили?

– Понятно.

– А водку где возьмете?

– Это наши проблемы.

– Закусь есть?

– Обойдемся.

– Под моим присмотром. Выпили. Тихонько поговорили и спать. Уговор?

– Даю слово.

Очень тяжело было с этим смириться, но пришлось. Пришлось переступить через себя, через свое воспитание и понимание службы, то как его закладывали мне еще в училище. Мне было стыдно и нестерпимо тяжело пойти на такие уступки.

Ночевать остался в полку, как и большинство офицеров полка. Выделил своим бойцам завалявшихся две банки каши и одну тушенки. Прошло спокойно.

Проблему аккумуляторов обещали решить уже после Нового года, выдать новые.

На следующий день начал принимать прибывающую из других частей технику взамен неисправной.

Пригнали технику и из моего бывшего полка. Посмотрел и оказалось, что две машины из моей бывшей роты. Договорился чтобы их мне в роту дали. Остальная техника, которая пришла нам взамен тоже была в хорошем состоянии.

На следующий день в роту пришло еще десять человек из дисбата. С ними также провел беседу и предложил самовольно оставить полк. Согласился только один.

Это партия, прибывшая из дисбата почти парализовала подготовку к боевым действиям. Все оставшихся девять человек этой партии были неуправляемые и крайне агрессивными. В тот момент взаимоотношения между мною (да и всеми офицерами полка) и этими солдатами

напоминали взаимоотношения между взбунтовавшимися матросами Балтийского флота и царскими офицерами, во время октябрьского переворота 1917 года. Сразу вспоминались кадры из советских фильмов про те времена. За что советская власть боролась, к тому и сама пришла, правда уже когда сама эта власть загнулась. Не рой другому яму называется. Полное разложение того что осталось от Советской армии, под названием Вооруженные Силы Российской Федерации и не где-то там, а именно, в частности у меня в роте.

Но самое плохое было в том, что во многом я винил именно себя, за то, что не мог справиться, не мог навести хоть приблизительный уставной порядок, думал о том какой я плохой командир. Это было ошибкой. И по прошествии многих лет я пришел к выводу что поступал правильно, сообразно обстановке, а не исходя из догм, установленных для нормальных условий. Так и должен поступать настоящий командир, именно действовать исходя из реальной обстановки и все равно вести дело к нужному командиру результату. Извечный и универсальный ответ многих «бывалых», на подобное, мне был известен: «Да надо было дать им всем п...лей и все бы встало на свои места. А ты там у себя в роте демократию развел». Как все просто! Я с ними мысленно спорил и как бы отвечал: «Нет господа, здесь такое простое и универсальное решение этой проблемы совершенно не подходит». Если бы я только попробовал хоть пальцем их тронуть все закончилось бы моим избиением, полной и окончательной потерей всякой власти. Можете не соглашаться, но, чтобы меня судить надо конкретно оказаться в моей «шкуре».

Кто додумался до того чтобы за счет дисбата укомплектовывать полк документально неизвестно. Но, мы офицеры, понимали, что такое решение во власти начальника штаба округа и командующего. Конечно эти «ребята», объяснили бы что такое решение принято из-за полного отсутствия личного состава. Скажут, что у них не было другого выхода. Но, это не значит, что надо было комплектовать полк таким личным составом. Это было преступлением. Поскольку дисциплинарный батальон подчинялся непосредственно начальнику штаба округа, и он же отвечал за комплектование соединений и воинских частей округа, и именно начальник штаба округа должен был изыскать личный состав для комплектования нашего полка, то именно это должностное лицо несет непосредственную вину за те последствия к которым привело это его решение. Решение выполнить задачу, бездумно, любой ценой, не задумываясь о последствиях. Мне приказали, и я выполнил. Значит я молодец, а за качество никто не спрашивает. Выполнил, галочка стоит. Типично советский подход к делу. А как там будет с этим личным составом командир роты или как они любили выражаться «ротный», их не интересует. Они как думают? Думают: я ротой в свое время откомандовал и ничего, не умер. Каких солдат дали, теми и командуй и рот закрой. А эти молодые нынешние сопляки что ноют? Потому что ничего не умеют, не точно МЫ, свое время и так далее. Разумеется, им в голову не придет все до мелочей продумать, сделать все идеально красиво, у них все так. Вся тяп-ляп. И не хотят они знать каково нам с таким личным составом. То есть мировоззрение типичных троечников, выучил материл к зачету, сдал, галочку в «зачетку» поставили и всему чему учили забыл.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.